

САМАРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ
ПРИ ЕПАРХІАЛЬНОМЪ БРАТСТВѢ СВ. АЛЕКСІЯ.

Годъ сорокъ третій.

№ 4-й. 15 февраля 1909 года. № 4-й

Выходятъ два раза въ мѣсяць.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою пять рублей.

Часть официальная.

О противохолерныхъ мѣропріятіяхъ.

1909 года, января 12 дня Самарская духовная консисторія слушала: Отношеніе Самарскаго Губернскаго Правленія отъ 17 декабря 1908 года за № 4729, при коемъ препровождены для свѣдѣнія и руководства копии протоколовъ засѣданій Самарской Губернской санитарно-исполнительной комиссіи, отъ 20 сентября, 10 октября и 3 ноября 1908 года за № 4, 5 и 6 о противохолерныхъ мѣропріятіяхъ. Протоколомъ за № 4, между прочимъ, постановлено: 1) Тѣла умершихъ отъ холеры слѣдуетъ укладывать въ гробъ, въ который вмѣсто стружекъ, служащихъ постелью, насыпались бы опилки; осыпать же покойника въ гробу известью признать необязательнымъ. 2) Такъ какъ контроль за обрядомъ прощанія въ квартирахъ немисимъ, то всякая регламентація въ этомъ направленіи, стѣсняющая родныхъ и близкихъ, не дастъ желательныхъ результатовъ, а потому считать ее безцѣльной. 3) Выносъ покойниковъ изъ дома и отпѣваніе въ часовнѣ допускается совершать лишь въ закрытыхъ гробахъ. 4) При соблюденіи требованій пунктовъ 1 и 3 настоящаго постановленія допустимо не предавать гробъ землѣ и

долге суток послѣ смерти. 5) Это рѣшеніе комиссія сообщить лишь для свѣдѣнія и руководства врачебному персоналу, полиціи и духовенству. 6) Просить Епископа рекомендовать духовенству посѣщать лекціи и чтенія врачей, устраиваемыя ими въ деревняхъ. Приказали: Черезъ напечатаніе въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ сего журнала предписать духовенству епархіи принять къ свѣдѣнію и руководству вышензложенное постановленіе губернской санитарно-исполнительной комиссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовать духовенству посѣщать лекціи и чтенія врачей о холерѣ, устраиваемыя ими въ сельскихъ приходяхъ.

На семь журналѣ послѣдовала таковая резолюція Его Преосвященства отъ 14 января 1909 года: „Исполнить“.

Преподается архипастырское благословеніе въ грамотѣ

Бывшему церковному старостѣ церкви села Быкова—Отрога, Николаевского уѣзда, крестьянину Симеону Прѣснякову, во вниманіе къ его усердію и трудамъ въ пользу св. храма.

О п р е д ѣ л е н ь

Окончившій курсъ въ Самарскомъ духовномъ училищѣ сынъ священника Евгеній Архангельскій на вакансію псаломщика къ церкви села Георгіевки, 11 округа Бузулукскаго уѣзда, 16 января.

П е р е м ѣ щ е н ы :

Состоящій на вакансіи діаконъ при церкви села Борскаго, 6 округа Бузулукскаго уѣзда, священникъ Николай Целярицкій на вакансію священника къ церкви села Алексѣевки, 10 округа Бузулукскаго уѣзда, 17 января; священникъ села Киндякова, 3 округа Самарскаго уѣзда, Александръ Ивановъ къ церкви села Липовки, 6 округа, Самарскаго уѣзда, 22 января; состоящій на вакансіи псаломщика при церкви села Хворостянки, 3 округа Николаевского уѣзда, діаконъ Алексѣй Тюркинъ на вакансію псаломщика къ церкви села Красной Поляны, Николаевского уѣзда 26 января; псаломщикъ церкви села Чарыковки, Ново-

узенскаго уѣзда, Теодоръ Тюркинъ на вакансію псаломщика къ Покровской церкви села Хворостянки, Николаевского уѣзда, 23 января; состоящій на вакансіи псаломщика при церкви села Алексѣевки, 6 округа Бузулукскаго уѣзда, діаконъ Іоаннъ Ждаповъ на вакансію діакона къ церкви села Борскаго, Бузулукскаго уѣзда, 18 января; псаломщики села Верхней Ивановки, 5 округа Самарскаго уѣзда, Михаилъ Щербаковъ и села Купина, 2 округа того же уѣзда, Никонъ Александровскій—одинъ на мѣсто другого 15 января; состоящій на вакансіи псаломщика при церкви села Георгіевки, 11 округа Бузулукскаго уѣзда, Петръ Иларіоновъ къ церкви села Павло-Антоновки, Бузулукскаго уѣзда, 14 января; псаломщики—церкви села Кульчума, Бугурусланскаго уѣзда, Дмитрій Евфимовъ и церкви села Бесѣдина, того же уѣзда, Михаилъ Смириновъ—одинъ на мѣсто другого 14 января.

Рукоположень

Псаломщикъ села Гусихи, Николаевского уѣзда, Павелъ Бѣдняковъ въ санъ діакона, съ оставленіемъ на занимаемомъ мѣстѣ, 21 декабря 1908 г.

Посвящень въ стихарь

Псаломщикъ села Анакова, 2 округа Ставропольскаго уѣзда, Илья Соколовъ, 12 января.

Уволены за штатъ:

Діаконъ Слободы Саврушской, 2 округа Бугурусланскаго уѣзда, Іоаннъ Доброхотовъ, 24 января.

Умершіе.

Запрещенный діаконъ села Коптяжевки, Бугурусланскаго уѣзда, Владиміръ Вязовскій, 22 сентября 1908 г.; монахиня Бузулукскаго Тихвинскаго женскаго монастыря Хіонія, 12 января; монахиня Чагринскаго Покровскаго женскаго монастыря Севастіана, 14 января; монахиня Бузулукскаго Тихвинскаго женскаго монастыря Леонида, 27 января.

П р а з д н ы я м ѣ с т а

С в я щ е н н и ч е с к і я :

Самарскаго уѣзда: Новый Колмаюръ, 6 округа (1907,20), Васильевка, 2 округа (1907,23), Луговая Александровка едино-вѣрческая церковь (1908,23), Хилково, 4 округа (1909,3), Киндяково, 3 округа. Причта положено быть: священнику и псаломщику. На свое содержаніе причтъ получаетъ въ годъ: добровольныхъ пожертвованій 250 р., хлѣбнаго сбора на 10 р., казеннаго жалованья 400 руб., отъ^н прихожанъ 300 рублей, земли 49¹/₂ д., дома есть, прихожанъ 689 д. м. п. и 719 д. ж. п., въ томъ числѣ раскольниковъ Спасова согласія 62 м. п. и 81 ж. п.

Ставропольскаго уѣзда: Суходоль, 2-й штатъ 4 округа (1908,16), Хрящевка, 2-й штатъ 3 округа, Николаевская церковь (1909,1).

Бугульминскаго уѣзда: Старое Урметево, 3 округа (см. псал. м. 1907,12), Борискино, 2-й штатъ 2 округа (1908,12), Каменка, 3 округа (1908,12).

Бугурусланскаго уѣзда: Большой Сурметъ, 2-й штатъ, 6 округа (1908,8), Рысайкино 5 округа (см. псал. м. 1908,7), Слобода Кинель-Черкасская, 2-й штатъ, Троицкая церковь (1907, 18).

Бузулукскаго уѣзда: Гаврило-Архангельское, 2-й штатъ, 9 округа (1908,21), Пронькино, 11 округа (1908,8).

Николаевскаго уѣзда: Новотулка, 2-й штатъ 2 округа (1907,9), Новоспасское, 7 округа (1908,11).

Новоузенскаго уѣзда: Чарыково, 3 округа (1907,24), Слобода Покровская 4 округа, Покровская церковь, 2-й штатъ (1908,3).

Д і а к о н с к і я .

Самарскаго уѣзда: Спиридоновка, 3 округа (1908,6), Владимірское, 1 округа (1908,7), Сырейка, 3 округа (1908,12).

Бугульминскаго уѣзда: Чирково, 1 округа (1908,8).

Бугурусланскаго уѣзда: Иеаклы, 4 округа (1908,7), Сидоровка, 3 округа (1908,19), Слобода Саврушская, 2 округа.

Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику. На свое содержаніе причтъ получаетъ въ годъ: добровольныхъ пожертвованій отъ прихожанъ 500 руб., хлѣбнаго сбора на 50 руб., жалованья отъ казны 176 руб. 36 к., земли 49 д., дома есть, прихожанъ православныхъ 1787 д. м. п. и 1885 д. ж. п., кромѣ того раскольниковъ 7970 д. м. п. и 855 д. ж. п.

Бузулукскаго уѣзда: Палимовка, 1 округа (1908,3), Казанка, 11 округа (1908,6), Михайловка, 9 округа (1908,17), Домашка, 4 округа (см. псал. м. 1908,7), Курманаевка 1 округа (1909,1).

Николаевскаго уѣзда: Таволожка, град. округа (1907,8), Пестравскій Выселокъ, 5 округа (1906,19), Яблонный Гай, 6 округа (1908,4), Красная Поляна, 3 округа (1909,3).

Новоузенскаго уѣзда: Перекопное, 2 округа (см. свящ. м. 1908,15).

Псаломщическія:

Самарскаго уѣзда: Новый Колмаюръ, 6 округа (см. свящ. м. 1907,20).

Ставропольскаго уѣзда: Филипповка, 2 округа (1907,20), Федоровка, 1 округа (1908,23).

Бузульминскаго уѣзда: Микулино, 1 округа (1908,23), Каменка, 3 округа (см. свящ. м. 1908,12).

Бузурусланскаго уѣзда: Алексѣевка, 7 округа (1908,22), Большой Сурметъ, 6 округа (см. свящ. м. 1908,8).

Бузулукскаго уѣзда: Озерье, 7 округа (1908,15), Семеновка, 3 округа, (1909,1), Пронькино, 11 округа (см. свящ. м. 1908,8), Алексѣевка, 6 округа. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику. На свое содержаніе причтъ получаетъ въ годъ: добровольныхъ пожертвованій 400 руб., хлѣбнаго сбора на 50 руб., жалованья отъ общества 200 руб., земли 49¹/₂ д., дома есть, прихожанъ 1228 д. м. п. и 1320 д. ж. п.

Николаевскаго уѣзда: Липовка, 2 округа Казанская церковь, 1-й штатъ (1908,10), Озерки, единовѣрч. церковь 1 ок-

руга (1908,24), Новая Покровка, 6 округа (1909,3), Новая Черниговка, 6 округа (1909,3).

Новоузенскаго уѣзда: Малаховка, 2 округа (см. свящ. м. 1908,11), Шумейковка, 4 округа (1908,13), Генеральское, 4 округа (1909,1), Воскресенка, 5 округа (1909,1), Моховое, 2 округа (1909,1), Новотулка 1 округа. Причта положено быть: священнику и псаломщику. На свое содержаніе причтъ получаетъ въ годъ: добровольныхъ пожертвованій 500 руб., жалованья отъ прихожанъ 400 руб., земли 99 д., дома есть, прихожанъ 953 д. м. п. и 1010 д. ж. п. Чарыковка, 3 округа. Причта положено быть: священнику и псаломщику. На свое содержаніе причтъ получаетъ въ годъ: добровольныхъ жертвованій 450 руб., хлѣбнаго сбора на 25 руб., жалованья отъ казны 400 руб., отъ прихожанъ 500 руб., земли 33 д., дома есть, прихожанъ 535 д. м. п. и 527 д. ж. п.

Братскій миссіонерскій кружекъ.

1909 года января 13-го дня, Самарскій Епархіальный миссіонерскій совѣтъ с л у ш а л и: рапортъ братскаго миссіонерскаго кружка VI-го округа Самарскаго уѣзда, въ которомъ братчики пишутъ, что они, „присоединяясь къ призыву Его Преосвященства, обращенному къ членамъ миссіонерскихъ курсовъ, съ благословенія мѣстнаго настоятеля церкви села Кривозерки, изъявили добровольное согласіе противостоять, по мѣрѣ ихъ силъ, враждебному теченію чуждыхъ по духу раскольниковъ и безвѣровъ“. И просятъ Его Преосвященство „благословить ихъ на это святое начинаніе и вознести свои святительскія молитвы предъ престоломъ свѣта Подателя“, да дастъ и имъ глаголь въ силѣ mnogой“. Подписали рапортъ: сотрудники миссіонера—Василій Гороховъ и Алексѣй Гулинь и крестьяне: Андрей Кубасовъ, Василій Каряшкинъ, Герасимъ Кубасовъ, Иванъ Кубасовъ и Тимоѣей Мироновъ. Братчики, какъ видно изъ приложенныхъ къ сему рапорту журналовъ, нѣсколько разъ собирались, начиная днемъ 12-го октября и кончая 17 числомъ октября въ зданіи

церковной школы села Кривозерки. На первомъ собраніи 12-го октября былъ поставленъ на обсужденіе вопросъ: нужна ли нынѣ борьба съ расколомъ данной мѣстности? Братчики признали нужду не только въ борьбѣ съ расколомъ, но и съ безвѣріемъ. Въ цѣломъ рядѣ слѣдующихъ засѣданій братчиковъ сотрудникъ миссіонера Гороховъ ознакомилъ братчиковъ съ исторіею возникновенія раскола старообрядчества и послѣдующаго его историческаго хода развитія, а также далъ нѣкоторыя свѣдѣнія по вопросу о невѣрїи. Братчики въ заключеніе постановили: „Было-бы желательно имѣть хотя краткое руководство по исторїи и обличенію раскола и невѣрія“. 17-го октября братчики имѣли сужденіе объ организаціи и дѣятельности миссіонерскаго кружка. По мысли братчиковъ, въ основу кружка должно быть положено добровольное служеніе дѣлу миссіи и взаимное общеніе и согласіе. Дѣятельность кружка должна быть по возможности просвѣтительной, путемъ устныхъ бесѣдъ и устныхъ разговоровъ, а также заключаться въ распространеніи миссіонерскихъ брошюръ и книжекъ. А потому признано было весьма желательнымъ имѣть свою миссіонерскую бібліотеку, съ большимъ запасомъ листовъ и брошюръ, подлежащихъ распространенію среди грамотнаго народа. Средства на бібліотеку и пополненіе ея изыскивать путемъ добровольныхъ пожертвованій. Признано было также нужнымъ имѣть свои миссіонерскіе праздники, а именно день Воздвиженія Креста Господня (14-го сентября) и день собора трехъ Святителей (30-го января), когда и предположено собираться въ братскія засѣданія, для обсужденія возникающихъ вопросовъ по дѣлу миссіи. Миссіонеръ Александровъ высказался за безусловную необходимость учрежденія подобныхъ кружковъ, которые онъ считаетъ, въ дѣлѣ миссіи, болѣе полезнымъ учрежденіемъ, чѣмъ даже миссіонерскія бесѣды опытныхъ полемистовъ. Для иллюстраціи своей мысли, о. Александровъ указалъ на братскія собранія священниковъ 2-го округа Николаевского уѣзда, организованныя имъ, миссіонеромъ Александровымъ, въ началѣ октября 1908 года, подъ руководствомъ священника села Дубоваго—Николаева. Благодаря его

неутомимой дѣятельности, кружокъ этотъ упрочился и можетъ служить образцомъ для подобныхъ же кружковъ священниковъ. Священники этого кружка совмѣстно отправляютъ торжественныя вечерни съ чтеніемъ акафиста, съ проповѣдями предъ вечерней и послѣ вечерни, по очереди въ каждой церкви, и привлекаютъ на нихъ массы народа, даже большія иногда по количеству, чѣмъ въ первый день Пасхи. По окончаніи вечерни ведутся виѣбогослужебныя собесѣдованія съ разрѣшеніемъ недоумѣнныхъ вопросовъ, предлагаемыхъ слушателями. Священники этого-же кружка ведутъ каждый въ своемъ приходѣ вечернія занятія со взрослыми по Закону Божію, церковной исторіи и по исторіи и обличенію раскола. И отпаденія отъ православія въ этомъ округѣ не наблюдаются и присоединеній въ немъ бываетъ сравнительно больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Мнѣніе о. Александра было поддержано и другими членами Совѣта, который и постановилъ: Утвердивъ братскій миссіонерскій кружокъ, учрежденный миссіонеромъ сотрудникомъ. Гороховымъ, рекомендовать учрежденіе подобныхъ кружковъ всему духовенству епархіи, чрезъ напечатаніе сего постановленія въ Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

МАРШРУТЪ

спѣдованія въ 1909 году по Самарской епархіи Чудотворной иконы Божіей Матери, именуемой „Взысканіе погибшихъ“, находящейся въ Свято-Троицкомъ Раковскомъ женскомъ монастырѣ, Самарскаго уѣзда.

Г. Самара.

Николаевскій уѣздъ.

Села: 1) Балаково, 2) Натальино (Широкая Селитьба), 3) Николаевка (Березовка), 4) Селезниха, 5) Николевка, 6) Злобинка, 7) Горяиновка, 8) Ливенка, 9) Липовка, 10) Богородское, 11) Бартевевка, 12) Чувичи, 13) Хворостянка, 14) Арбузовка.

Самарскій уѣздъ.

Села: 15) Дубровка, 16) Владимірское (Свинуха), 17) Озеречное, 18) Софьино, 19) Спасское, 20) Кашпирскіе хутора, 21) Тростянка, 22) Новые Костычи (Обшаровка).

САМАРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ ЕПАРХІАЛЬНОМЪ БРАТСТВѢ СВ. АЛЕКСІЯ.

Годъ сорокъ третій.

№ 4-й. 15 февраля 1909 года. № 4-й.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою пять рублей.

Часть неофициальная.

С Л О В О

въ 40 день по кончинѣ Кронштадтскаго пастыря, протоіерея о. Іоанна Сергіева, сказанное въ Самарскомъ кафедральномъ соборѣ 28 января 1909 года.

„Память праведнаго съ похвалами, и благословіе Господне на главѣ его“ (Притч. 10, 6—7).

Да, братіе! Земная и небесная, здѣшняя и загробная, временная и вѣчная жизнь праведника всегда бываетъ счастливая, полная своимъ внутреннимъ духовнымъ содержаніемъ и поистинѣ— блаженная! Еще здѣсь на землѣ надъ главою праведниковъ видимо, ясно и ощутительно пребываетъ и почиваетъ благословіе Божіе, и послѣ смерти ихъ, по словамъ премудраго, *„тѣlesa ихъ въ мирѣ погребени быша, имена же ихъ живутъ въ роды и роды, и слава ихъ до вѣка не потрѣбится“* (Сирах. 44, 12—13)...

Сказанное, по моему мнѣнію, во всей полнотѣ и со всею справедливостію м. б. примѣнено къ воспоминаемому нынѣ въ на-

шихъ христіанскихъ молитвахъ незабвенному Кронштадтскому пастырю и великому молитвеннику земли русской—протоіерею о. Іоанну Сергіеву, недавно скончавшемуся.

По нынѣшнему маловѣрному духу времени, преисполненному крайнимъ либерализмомъ и очевиднымъ ослабленіемъ нравственныхъ началъ не только вообще въ человѣчествѣ, но даже и среди насъ—христіанъ,—по нынѣшнему вѣку, чуждому искренней, теплой и сердечной вѣры въ Бога и скудному христіанскимъ благочестіемъ о. Іоаннъ Кронштадтскій представлялъ собою явленіе феноменальное, исключительное, имѣющее для себя весьма мало примѣровъ въ прошедшей исторіи нашей русской отечественной церкви! „Угасъ,—по весьма вѣрному, мѣткому и справедливому слову и выраженію Царскому,—*великій свѣтильникъ церкви Христовой и молитвенникъ земли русской, всенародно чтимый праведникъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, любвеобильный пастырь и благодетель* (Слова Высочайшаго рескрипта).

Такая незамѣнимая, тяжелая и ощутительная утрата для великаго народа русскаго,—утрата, болѣе или менѣе имъ ожидаемая, по причинѣ довольно преклоннаго возраста почившаго пастыря (79 л.), все-же невольно заставляетъ насъ оглянуться назадъ и посмотрѣть въ прошлое этого замѣчательнаго человѣка, пастыря и молитвенника, для того, чтобы хорошенько уяснить себѣ и почувствовать сердцемъ, какое драгоценное духовное сокровище потеряли мы въ немъ здѣсь на землѣ и въ чемъ надѣемся обрѣсти предполагаемое и ожидаемое утѣшеніе въ будущемъ въ раздѣляемой нами теперь великой скорби народной о кончинѣ любвеобильнаго пастыря, молитвенника и благодетеля? Что утѣшительнаго и назидательнаго даетъ намъ его праведная жизнь и его блаженная кончина?

Кто-то изъ многочисленнаго сонма поклонниковъ и почитателей о. Іоанна Кронштадтскаго сказалъ о немъ, что онъ „составляетъ достояніе исторіи“... Дѣйствительно, исторія нашей русской отечественной церкви должна современемъ по достоинству оцѣнить заслуги о. Іоанна Кронштадтскаго на пользу православія

и все колоссальное значеніе его въ исторіи нашей церкви: эта цѣль и эта задача, конечно, въ свое время составитъ благодарный и благородный трудъ для будущаго историка, который дастъ надлежащее освѣщеніе и систематическую научную оцѣнку всѣхъ его многосложныхъ трудовъ и многополезной общественной дѣятельности.

Намъ же въ послыномъ краткомъ словѣ, не нарушая принциповъ скромности и смиренія, такъ присущихъ о. Іоанну, при всей его замѣчательной славѣ, да позволено будетъ лишь отчасти коснуться тѣхъ сторонъ его пастырской жизни и дѣятельности, которыя стяжали ему такую необыкновенную славу народную для нашего назиданія.

Сынъ бѣднаго сельскаго причетника изъ отдаленнаго сѣвернаго, можно сказать, медвѣжьяго угла Россіи, о. Іоаннъ по окончаніи высшаго образованія въ С.-П.-Б. духовной академіи и по выступленіи на трудный и тернистый путь пастырскаго служенія въ гор. Кронштадтѣ, постепенно возвышается, растетъ духовно, и наконецъ—восходитъ до такой ступени духовнаго величія и славы, что имя его какъ истиннаго христіанскаго пастыря и молитвенника, становится извѣстнымъ не только у насъ по всей Россіи, но можно сказать, во всѣхъ странахъ свѣта. Отовсюду, не только изъ европейскихъ странъ, но даже изъ отдаленной Америки, изъ столицъ, изъ городовъ, изъ селъ и деревень, Кронштадтскій пастырь и молитвенникъ ежедневно получалъ многочисленные, просьбы и посланія, съ мольбою объ участіи въ горѣ и скорби, въ страданіяхъ и въ нуждѣ людской. Что же касается нашего обширнаго отечества, то, по справедливому и мѣткому выраженію одного изъ нашихъ архипастырей, нѣтъ ни одного уголка на нашей землѣ русской, гдѣ бы не было извѣстно, гдѣ бы не благословлялось и не произносилось съ великимъ благоговѣніемъ имя великаго Кронштадтскаго пастыря и молитвенника, какъ имя для всѣхъ драгоценное, близкое уму и сердцу каждаго истинно—русскаго и вѣрующаго челоуѣка—христіанина.

Чѣмъ—же объяснить причину такого необычайнаго пораз-

тельнаго его вліянія на народъ,—на неисчислимыя и необозримыя массы и толпы народа, его окружавшія, и на тѣхъ, которые даже никогда не видали его лица? Въ чемъ заключался секретъ его вліянія на людей, его пастырской жизни и дѣятельности?...

Конечно, нѣтъ ничего труднѣе, какъ подвергнуть анализу—изслѣдованію самыя сокровеннѣйшія тайники души человѣческой, полныя таинственныхъ благодатныхъ силъ и даровъ св. Духа и вслѣдствіе этого обильныхъ загадочными, непонятными для насъ явленіями. Какъ часто бываетъ, что эти таинственные благодатныя силы, гнѣздящіяся въ душѣ человѣка—христіанина, какъ-будто изъ какой-то невѣдомой намъ глубины возстаютъ и поднимаются въ насъ въ тѣ минуты, когда мы ихъ, можно сказать, менѣе всего ожидаемъ? какъ мало эти свѣтлыя и темныя силы нашей души бываютъ извѣстны и доступны даже намъ самимъ?! Кто-же въ состояніи сказать съ увѣренностію что-либо положительное о другомъ—постороннемъ человѣкѣ?! Кто можетъ съ положительною увѣренностію сказать, что онъ постигъ секретъ или тайну жизни и дѣятельности другого человѣка и можетъ объяснить его всемъ яснымъ и нагляднымъ образомъ?!... Такъ точно и относительно покойнаго о. Іоанна Кронштадтскаго, преисполненнаго особенныхъ благодатныхъ силъ и необычайныхъ даровъ св. Духа, кто можетъ съ положительною увѣренностію сказать, что онъ постигъ тайну движенія его глубокой—необъятной души, тайныя, никому недоступныя молитвенныя движенія его чистаго сердца? „*Кто изъ людей знаетъ то, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, въ немъ живущаго?*“—такъ говоритъ намъ Само Богооткровенное Слово Божіе (Кор. 2, 11).

Тѣмъ не менѣе изъ многочисленныхъ отзывовъ многочисленныхъ жизнеописателей или біографовъ о. Іоанна Кронштадтскаго, изъ различныхъ весьма разнообразныхъ и даже до крайности противоположныхъ мнѣній о немъ мы можемъ почерпнуть нѣкоторую долю истины и правды, чтобы судить о немъ, какъ о пастырѣ и человѣкѣ—христіанинѣ, и выяснитъ причину его огромнаго вліянія на русскій народъ.

Прежде всего—причина огромнаго вліянія и необычайнаго значенія его для русскаго народа заключалось и заключается въ его истинной, живой, искренней и сердечной вѣрѣ въ Бога и въ Господа нашего Иисуса Христа, въ Его Божественное ученіе и совершенное Имъ дѣло искупленія и спасенія рода человѣческаго Его спасительными страданіями. Этимъ христіанскимъ ученіемъ о. Іоаннъ былъ проникнуть вполне и совершенно; его живая, искренняя и сердечная вѣра въ личнаго живого Бога была такъ сильна и тверда въ немъ, что онъ какъ-бы постоянно ощущалъ возлѣ себя и чувствовалъ внутри себя присутствіе Божіе явно—ощутительно. Объ этомъ онъ самъ неоднократно говорилъ въ своемъ знаменитомъ „дневникѣ“. Эта-то сильная, могучая вѣра, по неложному слову и обѣщанію Христа Спасителя, и служила въ немъ тѣмъ могучимъ, таинственнымъ и крѣпкимъ рычагомъ, при помощи котораго онъ могъ совершать и, дѣйствительно, совершалъ свои великія и дивныя знаменія и чудеса. Ибо, если по слову Христа Спасителя, мы будемъ имѣть вѣру только лишь съ горчичное зерно, т. е. самую малую и незначительную долю искренней, сердечной вѣры въ Бога, то и въ такомъ случаѣ мы будемъ въ состояніи переставлять по своему желанію горы съ одного мѣста на другое (Матѳ. 17, 20). Что-же въ такомъ случаѣ можетъ сдѣлать болѣе обильная, истинная и сердечная вѣра, если человѣкъ всецѣло, всеѣмъ своимъ существомъ, ей проникнулся?! Для него дѣйствительно, нѣтъ никакой преграды: для него все невозможное становится вполне возможнымъ и доступнымъ (Мѳ. 17, 20). И мы воочію видимъ и убѣждаемся въ этомъ на почившемъ о. Іоаннѣ. Вся его жизнь какъ бы проходила предъ лицомъ Божиимъ: каждое свое желаніе, каждую мысль, каждое движеніе своего сердца о. Іоаннъ старался освѣтить свѣтомъ Божественнымъ—небеснымъ. „Все—для Бога и по Бозѣ, и нечего—безъ Бога и не для Бога“—вотъ его девизъ!... Этою глубокой сердечною вѣрою въ Бога Кронштадтскій пастырь безмолвно нынѣ участь насъ изъ своего отдаленнаго гроба... Да! вѣра—дѣло великое! И дай намъ, Господи, пріобрѣсти ея хоть малую крупицу!...

Ощущая постоянно возлѣ себя вседѣйствующее Божіе какъ въ мірѣ физическомъ, такъ въ особенности въ мірѣ духовномъ, о. Іоаннъ постоянно молился Богу, постоянно былъ въ молитвенномъ настроеніи. Молитвы его всегда отличались почти однимъ и тѣмъ же содержаніемъ: сознаніемъ постоянной и самой живой близости къ нему Господа Бога проникнуты всѣ его дивныя молитвы. Въ этой близости къ нему Господа Бога онъ былъ убѣжденъ глубоко и самъ непосредственно, въ глубинѣ души своей, онъ постоянно носилъ это убѣжденіе и это свидѣтельство и, такъ сказать, постоянно осязалъ его. О силѣ, глубинѣ и необыкновенности его молитвы свидѣлствуютъ многочисленныя очевидцы. Такъ, напр., одинъ изъ нихъ о его молитвѣ пишетъ такъ: „Меня поразило особенно одинъ моментъ во время его молитвы. Однажды во время утрени онъ подошелъ къ жертвеннику, сталъ предъ нимъ на колѣни, руки сложилъ крестообразно на жертвенникъ и голову склонилъ на нихъ. Подъ руками у него были всевозможныя записки съ просьбами помянуть о здравіи больныхъ и за упокой—умершихъ. Волосы прядями ниспадали на его плечи; весь онъ былъ освѣщенъ слабымъ утреннимъ свѣтомъ, едва-едва пробивавшимся сквозь толщу утренняго сѣвернаго тумана. Онъ находился въ такомъ положеніи около десяти минутъ. Казалось со стороны, что онъ какъ будто-бы умеръ—и предъ нами было только его тѣло, имъ оставленное, сброшенное его душой, какъ-бы какая одежда.... Мы живо вспомнили въ эти минуты картины, на которыхъ изображено, какъ душа человѣка, по разлученіи ея съ тѣломъ, съ неба созерцаетъ его: тѣло тамъ, дѣйствительно, представляется какъ-бы одеждою, оставленною душой... О, какая это была молитва, какой священнѣйшій моментъ!—Человѣкъ оставляетъ землю и возносится душой на небо, житель земной проникаетъ въ горніе міры, ограниченный—разумѣетъ тайны неба, плотской—становится духовнымъ, немощной—укрѣпляется, скорбящей—утѣшается, сильный—становится еще болѣе сильнымъ! Смотри на молящагося о. Іоанна, я невольно переносился мыслію въ садъ Геосиманскій и предъ

ставлялъ себѣ молящагося тамъ за насъ Христа Спасителя“... („Два дня въ Кронштадтѣ“. Св. Тр. Сергіева Лавра, 1900 г., стр. 26).

Такова была молитва о. Іоанна. Неудивительно поэтому, если молитва его весьма часто бывала услышана Господомъ Богомъ и проникала къ самому Престолу Божію; ибо по слову апостола, *„много можетъ молитва праведнаго послѣшествуема“* (Іаков. 5, 16).

О, если бы мы постарались стяжать себѣ такой же горящей—пламенный духъ сердечной постоянной молитвы!! Тогда и для насъ не было-бы ничего невозможнаго!

Особенно дивно, замѣчательно и страшно было для обыкновенныхъ холодно—вѣрующихъ совершеніе имъ величайшей и страшной Тайны Тѣла и Крови Христовой, т. е. Божественной литургіи: здѣсь о. Іоаннъ, по общему впечатлѣнію очевидцевъ (въ томъ числѣ и меня, недостойнаго, въ бытность мою въ воспитавшей его и меня Петербургской Духовной Академіи)—въ буквальный смыслъ слова былъ земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ. Стоя ногами на землѣ, онъ всѣмъ существомъ своимъ стоялъ на самыхъ небесахъ, посреди тамошнихъ небесныхъ силъ безплотныхъ....

И дивны дѣла Господни! Чудно о насъ Его спасительное промысленіе! Господу Богу угодно было возжечь и поставить этотъ яркій свѣтильникъ православія, — свѣтильникъ „горяй и свѣтій“, — именно тамъ, на далекомъ сѣверѣ, близъ столицы, у самаго „окна въ Европу“, въ центрѣ соприкосновенія православнаго Востока съ инославнымъ Западомъ. Горя и свѣта здѣсь не только на глазахъ Европы, но можно сказать, и на виду у всего свѣта, о. Іоаннъ мужественно, твердо и крѣпко стоялъ на стражѣ православія, охраняя и оберегая это драгоценное сокровище наше отъ западнаго инославія и иновѣрія. Въ этомъ, конечно, заключается огромная заслуга его предъ православною Восточною церковію, — и это, какъ я говорю, послужить въ свое время благодарной темой для нашего будущаго церковнаго историка и для его характеристики, какъ представителя и охранителя православія.

Но особенно, чѣмъ стяжалъ себѣ великую славу, популярность и любовь народную, почившій пастырь Кронштадтскій, это своей необыкновенно искренней и сердечной любовью къ людямъ, и въ особенности—къ страждущему человѣчеству. Справедливость требуетъ сказать, что двери сердца о. Іоанна весьма широко и любвеобильно были открыты рѣшительно для всѣхъ: въ нихъ находили себѣ доступъ положительно всѣ, ему извѣстные и неизвѣстные, знакомые и незнакомые, знатные и незнатные, богатые и бѣдные, русскіе и иностранцы, православные и ино-вѣрцы, магометане и евреи,—всѣ имѣли доступъ къ его любвеобильному пастырскому сердцу, всѣ не тѣсно тамъ вмѣщались, всѣмъ не тѣсно тамъ было, всѣ находили просторъ въ его общечеловѣческой христіанской любви,—и молитва пламенная, горячая и сердечная возносилась добрымъ пастыремъ рѣшительно о всѣхъ, благотворительность, матеріальная помощь и благодѣянія сыпались на—право и на—лѣво, не различая своихъ отъ чужихъ.....

Вотъ такая-то внутренняя духовная связь съ тѣмъ народомъ, изъ среды котораго вышелъ и развился такой духовный колоссъ, отзывчивый на всѣ его нужды, скорби и страданія, и служить причиною его неотразимаго обаянія и вліянія на весь русскій народъ. Такое тѣсное духовное единеніе и общеніе съ народомъ началось у о. Іоанна еще съ самыхъ первыхъ временъ, съ самыхъ первыхъ шаговъ его пастырской дѣятельности.—Извѣстно, что относительно этого говорилъ о. Іоаннъ Кронштадтскій: *„Я священникъ. Чего же тутъ?—Значитъ, и говорить нечего: не себѣ принадлежу, а другимъ“*. Молодая супруга его, Елизавета Константиновна, какъ-бы по объѣту, превратилась въ сестру милосердія и въ помощницу своему великому супругу въ его высокому служеніи ближнему. Ради этого служенія ближнимъ о. Іоаннъ, какъ извѣстно, отказался даже отъ личныхъ семейныхъ радостей и семейнаго счастья. *Счастливыхъ семей,—* говорилъ онъ своей супругѣ, *—и безъ насъ довольно! А мы лучше съ тобою посвятимъ себя на служеніе Богу и ближнимъ“*!!!

И онъ такъ и сдѣлалъ: всего себя всецѣло отдалъ на служеніе другимъ. — Всегда для всѣхъ ласковый, доступный, веселый, привѣтливый, ободряющій, онъ вносилъ радостную струю жизни въ нашу сѣрую и мрачную дѣйствительность, въ нашу бездну человѣческаго горя и людскихъ страданій, пробуждалъ бодрость духа тамъ, гдѣ уже повидимому близко было безысходное отчаяніе, воскрешалъ въ человѣкѣ лучшія чувства и высшія стремленія тогда, когда онъ уже повидимому близокъ былъ къ животному... Такая его тѣсная внутренняя духовная связь съ народомъ, его воспитавшимъ, возрастая, укрѣпляясь и развиваясь все шире и дальше, въ концѣ концовъ вполне справедливо и заслуженно облекла его ореоломъ славы и сдѣлала народнымъ христіанскимъ героемъ — праведникомъ, котораго любившая и боготворившая его толпа народная въ буквальномъ смыслѣ слова носила на рукахъ своихъ. Тысячи народа по цѣлымъ часамъ толпились вокругъ него, силясь получить отъ него его пастырское благословеніе, даже просто взглянуть на него, или хотя-бы только прикоснуться къ нему, или дотронуться и облобызать край его одежды! Это — не обоготвореніе о. Іоанна. — нѣтъ! Это естественное, быющее наружу живымъ ключемъ, выраженіе внутренней тѣсной связи его съ народомъ и благоговѣніе этого послѣдняго предъ своимъ любящимъ и любимымъ народнымъ пастыремъ и руководителемъ.

Мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы вздумали подробно останавливаться на пастырской и народной дѣятельности о. Іоанна, которая была весьма обширна и многообразна. Въ краткомъ словѣ вмѣстить всю его обширную и колоссальную дѣятельность нѣтъ возможности!..... Скажу лишь вкратцѣ, что почившій о. Іоаннъ, можно думать, лишь только тѣломъ своимъ покинулъ насъ, т. е. любившій его и любимый имъ народъ, „*Любовь, по слову Апостола, никогда не прекращается и не перестаетъ*“ (1 Кор. 13, 8). Слѣдовательно, нужно думать и надѣяться, что любовно-обильныя молитвы и любовное общеніе и единеніе его съ тѣмъ народомъ, который онъ такъ горячо, искренно и сердечно любилъ, со смертію его не прекратилось и не прекратится.

А потому, вспоминая нынѣ его праведную, блаженную кончину и поминая его въ своихъ христіанскихъ молитвахъ, обратимся съ мольбою къ нему: „Добрый пастырь нашъ, такъ нѣжно и горячо любившій свой народъ! помолись тамъ, на небѣ за горячо любящій и преданный тебѣ русскій народъ и помини насъ, грѣшныхъ, въ своихъ святыхъ молитвахъ предъ Престоломъ Божіимъ и не оставляй насъ никогда своею христіанскою любовію, какъ ты не оставлялъ насъ здѣсь, на землѣ. Аминь.

Прот. А. Меньшовъ.

Пастырская дѣятельность отца Іоанна Кронштадтскаго *).

Въ концѣ минувшаго года Русская земля провожала въ вѣчный путь своего наставника, молитвенника и благодѣтеля, о. Іоанна Кронштадтскаго. Необычные то были похороны. На всемъ пространствѣ отъ Кронштадта до Ораніенбаума и отъ Балтійскаго вокзала въ Петербургѣ до Іоанновскаго монастыря можно было наблюдать толпы плачущаго народа:—„Батюшка ты нашъ, на кого насъ покидаешь“?—взывали въ отчаяніи осиротѣвшіе простые люди. И чрезвычайно возвышенно и чутко настроена была эта толпа. Въ первый день послѣ кончины достаточно было очередному священнику, по окончаніи всенощной, сказать на амвонѣ два простыхъ слова: „теперь отслужимъ панихиду по молитвенникѣ земли русской о. Іоаниѣ [Кронштадтскомъ“—какъ замерли богомольцы въ нѣмомъ ожиданіи и потомъ зарыдали всѣ какъ одинъ. Черезъ два дня, въ послѣднемъ пути почившаго къ Петербургу, уже когда начало смеркаться, слезы народа были настолько горькія и искреннія, что порой не могли удержаться отъ рыданій даже пѣвчіе лейбъ-гвардіи Павловскаго полка (люди всего менѣе нервныя). Печальный перезвонъ колоколовъ при тихомъ мерцаніи свѣчей въ полумракѣ туманнаго петербургскаго вечера, пѣніе великаго канона

*) Религіозно-нравственное чтеніе въ залѣ Епархіальнаго женскаго училища 15 февраля 1909 года.

и слезы народа—все это слилось въ такой величественный, могучій аккордъ, что его не скоро забудутъ свидѣтели печальнаго событія.

Съ удивленіемъ смотрѣли жители столицы на это дивное стеченіе народа. Еще не было такого случая, чтобы шестидесяти-тысячная толпа такъ поражена была скорбью одинаковой для всѣхъ утраты. Петербургъ помнитъ десять тысячъ народа, бывшихъ на похоронахъ императора Александра II-го, помнитъ тридцать тысячъ на похоронахъ Достоевскаго, но такое множество скорбящаго православнаго населенія, какое было на похоронахъ Кронштадтскаго пастыря—это случай безпримѣрный, котораго никто не запомнить.

Но и не одни только жители столицы оплакивали кончину добраго пастыря. Далеко за предѣлами Петербурга и Кронштадта, на всемъ пространствѣ Великія, и Малыя, и Бѣлыя Руси набожно складывалась въ крестномъ знаменіи рука человѣка, получившаго извѣстіе о томъ, что угасъ свѣтильникъ церкви Русской. Скорбная вѣсть съ быстротою молніи облетѣла всю Россію—отъ деревенской избы до царскаго дворца, и вездѣ вызывала одинаковое чувство глубокой печали. Самъ Государь писалъ, что онъ „оплакиваетъ кончину“ добраго пастыря „вмѣстѣ съ его почитателями“.

О чемъ же плакали русскіе люди, провожая въ вѣчный путь своего отца и богомольца?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ хранить въ глубинѣ своей сердце народное, и дѣло будущаго разказать намъ, чѣмъ былъ для русскихъ людей почившій отецъ Іоаннъ. Печатныя страницы, повѣствующія объ этомъ, переполнены болѣе искусственнымъ чувствомъ, чѣмъ дѣйствительнымъ изображеніемъ и анализомъ тѣхъ искреннихъ душевныхъ настроеній, которыя переживалъ человѣкъ, соприкасаясь съ этой святою личностью. Впрочемъ, и эти блѣдныя страницы записей съ чужихъ словъ о чудотвореніяхъ и подвигахъ о. Іоанна проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на ту тайну вліянія его личности, которая хранится глубоко въ нѣдрахъ сердца его почитателей.

Книжныя сказанія объ о. Іоаннѣ говорятъ прежде всего о томъ,

что онъ жалелъ несчастнаго человѣка—нисколько не меньше, чѣмъ родной отецъ. Жители Кронштадта помнятъ, какъ задолго еще до своей славы онъ, придя папутьствовать болную, самъ, бывало, поможетъ прибрать комнату предъ молитвой, самъ, сходить за докторомъ, самъ даже въ лавочку сходить, купить пицци голуднымъ дѣтямъ. Какъ умѣлъ онъ сразу входить въ интересы чужого дома!.. Яркимъ огнемъ—надо думать—зажигалось тогда сердце матери при видѣ этой поистинѣ отеческой заботливости о брошенныхъ на произволь судьбы ея дѣтяхъ... Къ сожалѣнію, много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ были обнаружены исключительныя дарованія сердца Кронштадтскаго пастыря. Многіе изъ свидѣтелей его первыхъ подвиговъ уже умерли и не расскажутъ они намъ, сколько добра имъ сдѣлано было тогда.

Но такимъ же добрымъ, отзывчивымъ на горѣ ближняго остался Кронштадтскій о. Іоаннъ и во дни своей исключительной, всероссійской извѣстности. Случалось не разъ, когда человѣкъ, сбившись съ пути, воспоминалъ объ о. Іоаннѣ, шель къ нему съ вѣрой, какъ путникъ на огонь, и вновь находилъ смыслъ жизни. Цѣлую галерею портретовъ можно бы было составить изъ этихъ случаевъ. Вотъ, напр., бѣдственное положеніе одного капиталиста. Во дни своей юности онъ владѣлъ полумилліоннымъ состояніемъ, а черезъ шесть лѣтъ разгульной жизни дошелъ до того, что принужденъ былъ ночевать въ ночлежномъ домѣ, а его жена, имѣвшая когда-то свой салонъ, ходитъ стирать бѣлье поденно. Когда было все заложено и все пропито, на послѣдній полтинникъ, который былъ съ трудомъ добытъ какою то работою, Н отправляется къ о. Іоанну.

— Ты, вѣдь, ко мнѣ пришелъ,—встрѣчаетъ его добрый пастырь, выдѣляя изъ толпы. Хорошо сдѣлалъ. Давай помолимся вмѣстѣ... Ты очень несчастенъ, но пути Господа неисповѣдимы.. Мы не знаемъ, какою дорогою онъ ведетъ насъ къ себѣ. Но ты идешь къ Нему, и это—великое счастье для тебя. Не сойди только съ пути твоего. Господь да укрѣпитъ тебя...

Долго говоритъ о. Іоаннъ въ успокоеніе страждущему, и въ

душѣ его отчаяніе пачинаетъ смѣняться примиреніемъ. По лицу катятся слезы.

А о. Іоаннъ тихо отходитъ отъ него и преклоняетъ колѣна въ молитвѣ: „Благій Человѣколюбче! Иже тварь единымъ словомъ содѣлавый и изъ нея человѣка создавый, посѣти неизреченнымъ твоимъ человѣколюбіемъ падшаго сего раба твоего“ ...

Еще нѣсколько подобныхъ бесѣдъ, молитвенное общеніе съ Господомъ въ Евхаристіи, и человѣкъ вновь становится трезвымъ и снова возвращается къ нему богатство его, да въ придатокъ къ этому, еще и миръ душевный.

А вотъ и еще примѣръ. До такого же состоянія полного обнищанія дошелъ одинъ видный торговецъ въ Петербургѣ. Въ критическій моментъ, когда все было уже потеряно въ жизни, онъ вспомнилъ, что есть въ Кронштадтѣ отецъ Іоаннъ. Поздней ночью идетъ онъ въ Ораніенбаумъ для того, чтобы переѣхать въ Кронштадтъ и встрѣчаетъ о. Іоанна около вокзала.

— Батюшка! закричалъ онъ, упавъ ему въ ноги. — Встань голубчикъ. — слышитъ онъ ласковый голосъ о. Іоанна. О. Іоаннъ взялъ его съ собою въ рубку парохода, долго они тамъ о чемъ то говорили и результатомъ этой бесѣды было то, что погибавшій человѣкъ превратился въ человѣка съ твердой волей, „будто наградили его вдругъ большимъ орденомъ или чиномъ коммерціи совѣтника“. Нѣкоторая сумма денегъ возвращаетъ бывшему человѣку его прежній вишній видъ, а исповѣдь и душевная работа надъ собою укрѣпляютъ его волю настолько, что снова возвращается къ нему прежнее благополучіе. О. Іоаннъ помогаетъ ему найти приличное мѣсто, а тотъ, въ свою очередь, остается безконечно благодарнымъ св. церкви, которая избавила его отъ гибели.

Случалось, о. Іоаннъ и самъ шелъ навстрѣчу страждущимъ. Одинъ несчастный человѣкъ, уставъ бороться съ жизнью, въ отчаяніи готовъ уже былъ покончить жизнь свою насильственно, какъ вдругъ надъ своимъ ухомъ слышитъ кроткій голосъ Кронштадтскаго пастыря.

— Плачь сынъ мой, о грѣхахъ своихъ. Путь спасенія усыпають не розами, а терніями...

— Батюшка, силъ моихъ больше нѣтъ, простоналъ несчастный.

— Силъ много *тамъ*. Проси, и дастся тебѣ. Мы немощны, и никто не устоялъ бы противъ врага, но Господь милосердъ. Помолимся вмѣстѣ.

О. Іоаннъ положилъ руку на голову несчастнаго и сталъ читать молитву. Онъ не слѣдилъ за словами молитвы и даже не понималъ ихъ, но чувствовалъ, что съ каждымъ словомъ въ немъ совершается переворотъ и утихаеть борьба. Пастырь кончилъ и благословилъ его. Все стихло. Когда несчастный поднялся съ колѣнъ, пастыря уже не было...

Не правда-ли, какая трогательная, почти евангельская картина. Человѣкъ бѣжитъ уже отъ страданій этой жизни и вотъ во время этого „бѣгства“, является къ нему Господь въ видѣ кроткаго пастыря...

Чудный вариантъ на эту тему есть у Сенкевича, хотя нѣсколько съ другимъ содержаніемъ. Помните, когда апостоль Петръ усталъ въ борьбѣ и уже бѣжалъ изъ Рима, встрѣтился ему Христось.

Quo vadis, Domine? спросилъ апостоль и низко поклонился Ему.

— Въ Римъ, отвѣчалъ Господь, чтобы меня тамъ паки распяли.

Когда поднялся апостоль съ земли, видѣніе уже исчезло. И Апостоль вновь вернулся въ Римъ и принялъ тамъ смерть за имя Христово.

Не важна, конечно, здѣсь аналогія разказа, а важно то, что только одного лицезрѣнія Господа, только одной мгновенной поддержки было достаточно, чтобы вернуть страждущему прежнюю бодрость.

Я не привожу всѣхъ разказовъ о душевной помощи о. Іоанна страждущему человѣку. Ихъ такъ много, что едва-ли о каждомъ

изъ нихъ помнилъ и самъ Кронштадтскій пастырь. Но замѣтите, всѣ эти рассказы совершенно одного типа: врачъ души помогаетъ отчаявшемуся вернуть вѣру въ себя и людей.

— Встань, поднимись, ты еще не такъ плохъ, какъ о себѣ думаешь. Богъ укрѣпитъ тебя,—помолимся вмѣстѣ.

Очевидцы говорятъ, что „нѣтъ средствъ передать тонъ, отѣнки голоса и всѣ переливы мелодіи чувства въ этихъ успокоительныхъ словахъ“. Вѣдь и слова—то самыя обыкновенныя... Но смотрите—какая заключалась въ нихъ внутренняя сила!

Вѣра пастыря въ чудодѣйственную силу душевнаго воздѣйствія была настолько велика, что не могли устоять предъ нею даже болѣзни физическія. „Девять разъ я ходилъ молиться съ дерзновеннымъ упованіемъ, говорить онъ въ одномъ разказѣ о чудодѣйственномъ исцѣленіи,—надѣясь, что упованіе не посрамить, что толкующему отверзется, что хоть за неотступность дать мнѣ Владыка просимое; что если неправедный судія удовлетворилъ наконецъ утруждавшую его женщину, то тѣмъ болѣе Судія всѣхъ, праведнѣйшій, удовлетворитъ мою грѣшную молитву о невинныхъ больныхъ дѣтяхъ, что онъ призритъ на трудъ мой, на худобу мою, на молитвенныя слова и колѣнопреклоненія мои, на дерзновеніе мое, на упованіе мое. Такъ и сдѣлалъ Владыка,—не посрамилъ меня грѣшника. Прихожу въ десятый разъ—младенцы здоровы“.

Вотъ какъ описываютъ очевидцы самый процессъ исцѣленія.

Когда о. Іоаннъ,—это было въ другой разъ,—вошелъ въ комнату, все лицо его дышало весельемъ и радостью. Веселье и радость сказывались во всѣхъ его живыхъ, нѣсколько порывистыхъ движеніяхъ. Онъ прежде всего взглянулъ на образъ, висѣвшій въ углу, широко прекрестился, перевелъ взглядъ свой на больного, поспѣшно подошелъ къ нему и упалъ на колѣни.

— Черезъ слабость мою яви Твою силу—шепталъ онъ молитву. Онъ весь преобразился, черты лица его освѣтились, глаза блистали, трепеть пробѣгалъ по его тѣлу. Наконецъ, онъ почувствовалъ, что мольба его была услышана..

Онъ поднялся съ колѣнъ, спокойно подошелъ къ неподвижно лежавшему больному и положилъ свою руку ему на голову.

— Встань и помолимся вмѣстѣ,—тихо сказалъ онъ.

— Я не могу шевельнуться, явственно произнесъ больной. Тогда о. Іоаннъ еще разъ возложилъ на него руку и вновь повторилъ:

— Встань и помолимся вмѣстѣ.

И больной всталъ съ кровати, опустился на колѣни рядомъ съ священникомъ, начавшимъ громко читать молитву... А на другой день выздоровѣлъ.

Бывали случаи, когда для молитвеннаго воздѣйствія падали границы пространства. Сила молитвы была настолько велика, что облегченіе или исцѣленіе отъ болѣзни совершалось далеко за предѣлами Кронштадта, по одной лишь усердной молитвѣ. Биографы рассказываютъ объ одной богатой женщинѣ, мужъ которой потерявъ всякую надежду на врачебную помощь, послалъ изъ Одессы телеграмму съ просьбой помолиться о выздоровленіи болящей. „Больная заснула, и когда проснулась, то вся сіяющая отъ радости сказала, что видѣла во снѣ о. Іоанна, котораго знала лишь по фотографіи. О. Іоаннъ подошелъ къ ней, утѣшалъ ее; возложивъ на голову больной свои руки, благословилъ ее и сказалъ, чтобы она надѣялась на милосердіе Божіе и что она скоро поправится. И дѣйствительно, больная немедленно почувствовала облегченіе и стала быстро поправляться“.

Но какой огромный запасъ нравственной силы нужно имѣть человѣку для того, чтобы *не устать* въ теченіе пятидесяти лѣтъ возвышать до себя больного и страждущаго? Гдѣ взять такой запасъ?

Знаменитый психіатръ, профессоръ Сикорскій, сопровождавшій о. Іоанна во время пребыванія его въ Кіевѣ, отмѣчаетъ такую, между прочимъ, черту въ его душевной организаціи. „Сила представленія у него необыкновенно велика. Его живое воображеніе рисуетъ ему событія, случившіяся нѣсколько столѣтій назадъ съ такою ясностью, какъ будто эти событія совершаются у него на глазахъ въ эту минуту“. Въ своемъ дневникѣ отецъ Іоаннъ говоритъ даже нѣсколько больше, чѣмъ профессоръ Сикорскій.

„Что за лицо священникъ, спрашиваетъ онъ. Постоянно у него рѣчь съ Господомъ и постоянно отвѣчаетъ на его рѣчь Господь. Что ни треба, что ни молитва, то рѣчь съ Господомъ; что ни треба, что ни молитва, то отвѣтъ на нее Господа“. „Въ молитвѣ главное, о чемъ надо прежде всего позаботиться, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ.—это живая, ясновидящая вѣра въ Господа: представь Его живо предъ собою и въ себѣ самомъ, и тогда проси, что хочешь, и будетъ тебѣ.“ И мы дѣйствительно видѣли отраженіе этихъ мыслей не только въ дѣятельности, но даже въ самой внѣшности о. Іоанна. Взоръ его часто былъ устремленъ вдаль; порой онъ ничего не видѣлъ окружающаго, предаваясь созерцацію: Онъ самъ говорилъ въ своемъ дневникѣ: „Взирая на небо, созерцай въ высотахъ его Господа Иисуса, откуда явился онъ первомученику Стефану и Савлу и умоляй его о спасеніи“. „Въ великомъ дому Божиємъ придетъ къ тебѣ на помощь какое угодно призываемое тобою лице церкви небесной. проси его сдѣлать, что тебѣ угодно. Святые Божіи такъ же тебя слышатъ, какъ напримѣръ, въ церкви все собраніе“.

Это непрерывное почти Богообщеніе и молитвенное общеніе съ святыми людьми уже почившими особенно сильно отражалось на всемъ его существѣ во время литургійной молитвы. „Все время онъ погруженъ въ такія глубины души, рассказывалъ о немъ одинъ изъ сослужившихъ ему,—что какъ будто ничего не видитъ, ничего не слышитъ, что кругомъ его совершается.—Христосъ посредѣ насъ, говоритъ онъ въ положенное время, и невольно кажется, что Христосъ Спаситель—рядомъ. Жутко становится, трепетомъ наполняется душа“. „Во время пресуществленія святыхъ даровъ онъ много разъ преклоняетъ главу передъ ними. Слезы обильно текутъ изъ его глазъ. По прочтеніи тайной молитвы беретъ въ руки дискосъ съ святымъ тѣломъ, поднимаетъ его немного надъ престоломъ и, вперивъ свой взоръ, сосредоточенно молится. Потомъ беретъ въ руки святой потиръ, прильнетъ къ нему челомъ и долго, горячо молится. Не произнесетъ ни одного слова. Глаза закрыты. Но вотъ совершилось

причащеніе святыхъ Таинъ, и лицо его измѣнилось. Какъ будто онъ окруженъ какимъ то сіяніемъ“. Мы все помнимъ это выраженіе лица Кронштадтскаго пастыря, сіяющее и дающее свѣтъ другимъ. И несомнѣнно, что источникомъ этого свѣта, какъ и источникомъ его внутренней силы, является „созерцаніе Господа въ небесныхъ высотахъ.“ „Вся могу о укрѣпляющемъ мя Исусѣ“. „Вѣра можетъ горы переставлять“, и ужъ, конечно, не останавливается предъ такими ничтожными препятствіями, какъ физическое страданіе или душевная болѣзнь.

Это постоянное лицезрѣніе Господа, способность летѣть мыслью чрезъ пространство и время настолько изощрило душевную организацію Кронштадтскаго пастыря, что онъ не только съ легкостью распознавалъ душевное состояніе другого, но и видѣлъ духовными очами такъ далеко, какъ это не доступно простому смертному. Мы не приводимъ здѣсь многочисленные рассказы о его умѣни читать въ сердцахъ людей, засвидѣтельствованные даже свѣтилами науки. Но съ нравственной точки зрѣнія представляеть чрезвычайный интересъ картина, помѣщенная въ одномъ иллюстрированномъ изданіи объ о. Іоаннѣ. Пастырь изображенъ на кормѣ парохода съ молитвенно скрещенными на груди руками. Во мглѣ вечера виднѣются силуэты домовъ и фабрикъ и надъ всемъ этимъ возвышается красивый куполь Исаакія. Уже зажглись огни и отражаются въ зеркальныхъ водахъ мѣря. Лицо о. Іоанна скрыто въ картинѣ. Но судя по фигурѣ, какъ далеко, видимо, несетя его полуночная молитва: сколько труждающихся и обремененныхъ видять его духовныя очи. Святой царь и пророкъ Давидъ рассказываетъ въ своемъ псалмѣ, что онъ вставалъ ночью и молился за свое царство. Не царственная ли и это тоже молитва за тѣхъ, „кому въ удѣлъ страданье задано“?..

Бывали случаи, когда лицезрѣніе Господа было достояніемъ не только одного пастыря, но и пасомыхъ, и доступное душевному только взору становилось видимо взорамъ физическимъ. Въ одушевленные моменты всеобщей исповѣди,—какъ рассказываютъ

очевидцы,—лица съ болѣе тонкой душевной структурой видѣли предъ амвономъ Спасителя, благословляющаго народъ.

Сама по себѣ исповѣдь была настолько исключительнымъ моментомъ одушевления, что оставляла на присутствовавшихъ впечатлѣніе неизгладимое. Очевидецъ такъ описываетъ это рѣдкое явленіе въ пастырской практикѣ. Въ концѣ литургіи „мы вышли изъ алтаря на солею и стали около о. Іоанна. Необыкновенно величественная картина развернулась предъ нами. Предъ нами было море головъ. Въ храмѣ было не менѣе пяти тысячъ человѣкъ. Какъ волнуется море, такъ волновалось и это море людей. Это было единое тѣло, одинъ организмъ, двигавшійся туда и сюда. Богатый и бѣдный, знатный и незнатный, ученый и неученый, мужчина и женщина—все были вмѣстѣ—у всехъ была одна душа и одно сердце, какъ у первохристіанъ. О. Іоаннъ вышелъ изъ алтаря на амвонъ въ смиренномъ видѣ и началъ говорить поученіе, прерываемое по временамъ рыданіями народа, плачущаго о своихъ грѣхахъ. За поученіемъ слѣдовали молитвы предъ исповѣдью и наконецъ самое покаяніе. Братіе и сестры, каетесь-ли вы, желаете-ли исправить свою жизнь? Сознаете-ли свои грѣхи?—Что происходитъ въ эти минуты—невозможно описать. Напряженіе достигло самой высшей степени и одинаково захватило всю массу. Стоялъ страшный, невообразимый шумъ: кто плакалъ, кто громко рыдалъ, кто падалъ на полъ, кто стоялъ въ безмолвномъ оцѣпененіи. Многіе въ слухъ предъ всеміи исповѣдывали свои грѣхи, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что ихъ слышали. А о. Іоаннъ стоялъ, глубоко растроганный и потрясенный всеміи. Онъ закрылъ свое лицо руками, но изъ подъ нихъ капали на холодный церковный полъ крупныя слезы. Наконецъ, онъ отеръ свои слезы, перекрестился:— „Тише братья. Слушайте:—мнѣ, какъ и всеміи священникамъ, Богъ даровалъ власть вязать и разрѣшать грѣхи человѣка. Слушайте, прочитаю молитву разрѣшительную“. Тысячи людей смиренно преклоняются, читается разрѣшительная молитва. Беретъ о. Іоаннъ конецъ своей эпитрахили, проводитъ имъ по воздуху на четыре стороны и благословляетъ народъ. Затѣмъ слѣдуетъ вы-

носъ пречистыхъ и животворящихъ Таинъ Христовыхъ. Послѣ громогласнаго прочтенія молитвы „Вѣрую и исповѣдую“ народъ устремляется къ св. чашѣ. Сколько благоговѣнія, восторга, тихой радости можно видѣть и читать на лицахъ всѣхъ“.

При такомъ высокомъ душевномъ подъемѣ ничтожными казались будничные интересы, и потому надо думать, что матеріальная помощь, которую онъ оказывалъ нуждающимся, была только придаткомъ къ тѣмъ духовнымъ дарамъ, которые онъ раздавалъ своей щедрой рукой.—Это былъ пастырь-безсребреникъ, которому некогда было думать о матеріальномъ благополучіи. Живой Христосъ, который проникалъ все его существо, не оставлялъ мѣста для житейскихъ заботъ. Жители Кронштадта помнятъ, что еще въ первые годы своего служенія онъ раздавалъ все, до послѣдняго двугривеннаго, который нуженъ былъ для переѣзда изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ, и до послѣднихъ сапогъ. Доселѣ сохранилось отъ той поры интересное такъ сказать „учрежденіе“, которое называется „армією о. Іоанна“. Ежедневно, раннимъ утромъ, еще задолго иногда до свѣта, собираются „бывшіе люди къ дому или храму, гдѣ находится о. Іоаннъ и встаютъ въ очередь, ожидая подаенія. Они настолько привыкли получать свой „пай“, что сердились и устраивали забастовку, когда почему-либо сокращалось количество денегъ, выдаваемыхъ о. Іоанномъ:—„не будемъ брать“, говорили они, кому-то угрожая. Съ теченіемъ времени благотворительность о. Іоанна приняла размѣры болѣе широкіе, постепенно разрастаясь до громаднхъ цифръ. Образовалась какая то контора для добровольнаго перемѣщенія денегъ изъ кармановъ богатыхъ въ карманы бѣдняковъ. Случалось нерѣдко, что щедрая рука дающаго не считала суммы жертвуемой. Рассказываютъ одинъ случай о купцѣ, который передалъ о. Іоанну запечатанный пакетъ съ крупной суммой. Получивъ ее правой рукой, Кронштадтскій пастырь лѣвой передалъ ее женщинѣ, просившей помощи.—Батюшка, тутъ 1000 рублей, взмолился жертвователь.—Ее счастье, отвѣтилъ спокойно отдавшій. А послѣ говорилъ: „щедро твои труды вознаграждаются—будь щедръ и самъ, не по заслугамъ

вознаграждаются—не по заслугамъ и другимъ давай“.—Цифры пожертвованій возрастали по мѣрѣ душевнаго одушевленія жертвовавшихъ, и иногда доходили до громадныхъ размѣровъ. Личный секретарь о. Іоанна едва успѣвалъ получать и разсылать присланныя пожертванія. Но никто не считалъ тѣхъ суммъ, которыя поступали непосредственно въ руки о. Іоанна и которыя тутъ же были передаваемы нуждающимся. При этомъ обыкновенно бывало такъ, что послѣ трудового дня у трудившагося къ утру не оставалось ни копѣйки. А съ наступленіемъ новаго дня приливалъ новый потокъ пожертвованій.

Но бывало нерѣдко такое положеніе вещей, что нельзя было помочь дѣлу матеріальными средствами. Еще въ первые годы пастырской дѣятельности о. Іоанна были такіе пациенты, которые не могли купить себѣ сапогъ или хлѣба необходимаго для дневнаго пропитанія,—пропивали всякій грошъ, который попадалъ имъ въ руки. Для такихъ людей необходимъ разумный трудъ, а не матеріальныя средства. И вотъ, по инициативѣ о. Іоанна, возникаютъ въ Кронштадтѣ (а затѣмъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи) дома трудолюбія, гдѣ могутъ быть примѣняемы силы не только здоровыхъ, но и самыхъ слабыхъ, больныхъ людей. Отчеты о жизни этихъ учреждений сообщаютъ намъ крупныя, особенно для Кронштадта, цифры. Рядомъ съ этимъ, сочувствуя горькой долѣ женщины, не получившей права имѣть свой уголь въ семьѣ, о. Іоаннъ основываетъ женскую общину. Заботится, далѣе, о дѣтяхъ улицы, устраивая школу, о престарѣлыхъ—устройствомъ богадѣльни, дешевой и даровой столовой, дешевыхъ квартиръ. Онъ предусматриваетъ всякую потребность своего прихода, такъ что его благотворительныя учрежденія являются отвѣтомъ на запросы времени и имѣютъ чрезвычайную жизнеспособность.

Съ теченіемъ времени число облагодѣтельствованныхъ настолько увеличилось, что къ полувѣковому юбилею служенія о. Іоанна ихъ уже было столько, что нельзя было на пути къ Кронштадту не слышать имени знаменитаго пастыря. Народная молва окружала уже ликъ его нимбомъ святости и рѣдкая семья въ

Кронштадтъ не видѣла въ немъ своего *патрона*, покровителя и заступника на случай несчастья. Это было своего рода обезпеченіе, до нѣкоторой степени душевный капиталъ, который заключался въ увѣренности, что пока живъ о. Іоаннъ, не будетъ такого момента, чтобы человѣкъ погибъ. Молва летѣла далеко за предѣлы Кронштадта, святая вѣра въ его заступничество росла съ каждымъ новымъ случаемъ благодѣянія и ко дню кончины о. Іоанна рѣдкое сердце не билось надеждой на его помощь въ бѣдѣ и горѣ. Изъ Кронштадтскаго священника онъ становился отцемъ и благодѣтелемъ всей Русской земли, народнымъ героемъ. Вотъ почему такъ неутѣшны были слезы осиротѣвшихъ. Быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ многіе изъ нихъ съ его кончиной теряли больше, чѣмъ со смертью родного отца или любимаго человѣка.

Но гораздо сильнѣе сказались результаты нравственнаго вліянія личности о. Іоанна на свою паству и на всѣхъ тѣхъ лицъ, которымъ такъ или иначе приходилось соприкасаться съ нимъ въ своей жизни.

У Виктора Гюго, въ его романѣ „Отверженные“ есть неподражаемый разсказъ объ епископѣ, который исправилъ закоренѣлаго преступника тѣмъ, что принялъ его, какъ равнаго и обласкалъ своимъ вниманіемъ. Мы всѣ помнимъ этотъ разсказъ. Основная мысль его заключается въ томъ психическомъ законѣ, что чѣмъ выше по своимъ нравственнымъ качествамъ человѣкъ, который имѣетъ на насъ вліяніе, тѣмъ лучше мы сами становимся.

Этотъ основной законъ душевной жизни вполне примѣнимъ и къ пастырской дѣятельности о. Іоанна. Пятьдесятъ лѣтъ кроткими и ласковыми словами и усердной молитвой онъ исправлялъ погибшихъ и падшихъ людей, имѣя на нихъ неотразимое вліяніе, и достигъ того, что къ концу его жизни совершенно измѣнился душевный обликъ его паствы. Въ началѣ дѣятельности о. Іоанна Кронштадтъ былъ ссылочнымъ мѣстомъ, куда выселяли всякій отбросъ изъ Петербурга. Легко себѣ представить, какіе

это были люди. А къ концу его дѣятельности Кронштадтъ сталъ тѣсно сплоченной семьей вокругъ своего пастыря и домашней церковью. То, что вовсе не удается провести въ дѣйствительную жизнь сторонникамъ новыхъ теорій,—равенство и братство,—вблизи о. Іоанна можно было наблюдать каждый день и каждый часъ. Милліонеръ стоялъ рядомъ съ послѣднимъ нищимъ и высокій сановникъ—рядомъ съ крестьяниномъ, одѣтымъ въ зипунъ и лапти. Такъ было даже и въ торжественныхъ случаяхъ, напр. на юбилей о. Іоанна. Такъ исполнились слова великаго писателя, который говорилъ: „Мечтаю видѣть и какъ бы уже вижу ясно наше грядущее, ибо будетъ такъ, что даже самый развращенный богачъ нашъ кончить тѣмъ, что устыдится богатства своего предъ бѣднымъ, а бѣдный, видя смиреніе сіе, пойметъ и уступить ему, съ радостью и лаской отвѣтитъ на благолѣпный стыдъ его. Вѣрьте, что кончится симъ, на те идти. Лишь въ человѣческомъ духовномъ достоинствѣ равенство, и сіе поймутъ лишь у насъ. Были бы братья, будетъ и братство. Образъ Христовъ хранимъ, и возсіяетъ, какъ драгоценный алмазъ, всему міру“.

Даже внутренній видъ домовъ измѣнился. Увеличилось число иконъ. Въ каждомъ почти домѣ есть принадлежности для водосвященія. Въ нѣкоторыхъ домахъ есть даже свои особыя молельни. Здѣсь читаются поученія, житія дневныхъ святыхъ, разныя сочиненія религіозно-нравственнаго характера, иногда даже отправляются службы, которыя положено совершать на дому. Біографъ о. Іоанна, вспоминая времена первыхъ христіанъ, такъ описываетъ одинъ изъ такихъ домовъ. „Въ молитвенной комнатѣ, раздѣленной на три части, восточная стѣна вся заставлена иконами въ нѣсколько ярусовъ. Предъ иконостасомъ, по срединѣ его стоитъ столъ, покрытый бѣлой пеленой. Кругомъ идетъ деревянная перегородка съ дверцами посрединѣ; надъ первою частію молитвеннаго собранія висится куполь. Чтець помѣщается обыкновенно предъ столомъ и читаетъ положенныя службы. Народъ помѣщается позади и наполняетъ всю комнату. Чтеніе сопровождается одушевленнымъ общимъ пѣніемъ“.

Замѣтно возвысилось и общее душевное настроеніе Кронштадтцевъ. Около о. Іоанна появились люди, которые всю жизнь свою отдавали осуществленію его идеаловъ, которые горѣли тѣмъ же огнемъ, которымъ онъ самъ. Устная и молчаливая, — проповѣдь жизни этихъ лицъ велась ежедневно, и подъ вліяніемъ ея становились лучше не только тѣ, кто былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ чудесъ и подвиговъ о. Іоанна, но и тѣ, кто пріѣзжалъ сюда издалека за благословеніемъ и молитвой. Нравовѣченіе какъ бы носилось въ воздухѣ, и была бы большимъ диссонансомъ несдержанная жизнь въ этой атмосферѣ здороваго труда и святости. Тѣ, кому приходилось провести хотя одинъ день въ Кронштадтѣ, понимаютъ, о чемъ я говорю. Здѣсь былъ свой религіозный уставъ и свои обычаи.

Нравственное вліяніе о. Іоанна, проповѣдь труда и благочестія не ограничилось одною только его паствой. Какъ закваска, оно распространялось по всей русской землѣ, передаваясь отъ одного къ другому, отъ отцевъ къ дѣтямъ, отъ ближнихъ къ дальнимъ. Личность его окружена была ореоломъ еще задолго до его кончины, и многое множество людей, особенно во время его поѣздки по Россіи, снималось съ мѣстъ для того, чтобы „коснуться края ризы его“, заимствовать отъ него хотя часть того священнаго огня, которымъ онъ постоянно горѣлъ въ своемъ благочестивомъ настроеніи. Существенно измѣнялось настроеніе толпы въ эти минуты. „Истинное наслажденіе доставляютъ намъ ваши путешествія, — говорилъ одинъ священникъ о. Іоанну въ Олонецкой губерніи. Лишь только вступаете вы, батюшка, въ какое либо село или городъ, не смотря на буддень, слышится радостный, торжественный звонъ большого колокола, собирается соборъ служащихъ съ вами, кущи запираютъ лавки, крестьяне бросаютъ бороны и сохи въ полѣ, матери во множествѣ несутъ для приобщенія дѣтей. Замѣчается религіозный подъемъ духа, усиливается теплота молитвы. Какъ отъ обыкновеннаго огня нагрѣваются окружающе предметы, часто загораются и горятъ огромнымъ общимъ огнемъ, такъ и вашъ

молитвенный пламень охватываетъ всёхъ, какъ служащихъ, такъ и молящихся, и вся церковь молится съ вами усерднѣе и теплѣе“.

Постоянные жители здѣсь, въ Самарѣ, помнятъ, какимъ высокимъ подъемомъ души ознаменовался прїѣздъ и служеніе о. Іоанна. Сотни больныхъ поднялись съ своего одра, окрыленные надеждой на выздоровленіе; тысячи страждущихъ отъ мала до велика простерли къ нему руки и просили молитвы, въ надеждѣ получить облегченіе. Десятки писемъ летѣли въ его экипажъ—драгоценный кладъ для опытнаго психолога, который могъ бы по нимъ составить описаніе русскаго горя. Сливались въ одной общей молитвѣ сердца вѣрующихъ, были переполнены храмы въ тотъ день, и до невозможной тѣсноты наполнены были аудиторіи религиозно-нравственныхъ чтеній.

Закваска религиознаго вліянія Кронштадтскаго пастыря простиралась гораздо далѣе православнаго населенія. Всеобщимъ восторгомъ при видѣ его заражались даже иновѣрцы и переживали тоже самое чувство высокой религиозной настроенности. Біографъ описываетъ восторженное настроеніе татарина, который удостоился получить благословеніе о. Іоанна.—Даже болѣе. Передавалась вѣра въ чудотворенія, въ присутствіе высшей силы. Въ Крыму, напр., приносили къ нему для молитвы болящихъ и разслабленныхъ, и онъ возлагалъ на нихъ руки. Интересна просьба одного мусульманина объ исцѣленіи.

— Батюшка, говорилъ онъ, слышалъ я, что твой Богъ сильнѣе нашего Аллаха. По молитвѣ твоей у сосѣда поправился ребенокъ, помолись за мою больную жену. О. Іоаннъ посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ обычное— „помолимся вмѣстѣ.“ Затѣмъ опустился на колѣни и сталъ читать молитву. Татаринъ билъ себя въ грудь и повторялъ за нимъ слова молитвы. Они молились около часу. Когда поднялись, на глазахъ у татарина блеснули слезы... И больная выздоровѣла.

...Молится-ли когданибудь еще разъ мусульманинъ вмѣстѣ съ православнымъ священникомъ?

Великое миссіонерское значеніе имѣли подобные случаи. Ни одна самая краснорѣчивая бесѣда не обратитъ въ православіе,

стольких иновѣрцевъ, сколько обращала искренняя молитва пастыря. Ибо нравственная сила не въ діалектическихъ умоизмышленияхъ, а въ искренней христіанской любви. Сначала любовь и дружба, а потомъ уже и вѣра общая.

Даже евреи, всего менѣе расположенные къ христіанству, и тѣ чувствовали на себѣ примиряющее вліяніе о. Іоанна. Трогательно было видѣть, какъ во время поѣздки его въ западномъ краѣ, вмѣстѣ съ православными, встрѣчалъ его и духовный раввинъ. „Въ талмудѣ находимъ, говорилъ онъ въ своей привѣтственной рѣчи, что однажды философъ спросилъ у равви Гамліела: „Есть ли такой день, который мы съ вами празднуемъ вмѣстѣ? Равви Гамліель отвѣтилъ: „такой день есть, это именно день, въ который падаетъ дождь“. И такъ, и у христіанъ, и у евреевъ есть общій праздникъ, праздникъ радости исцѣленій, праздникъ помощи страждущимъ, праздникъ любви и единенія бѣдныхъ. *)

Все это въ значительной степени вносило примиряющій элементъ въ атмосферу отчужденности и озлобленности послѣдняго времени и создавало великую церковь „Бога жива“ въ сердцахъ тѣхъ, кому не дана была способность непосредственного христіанскаго знанія. Черезъ двадцать вѣковъ вновь чувствовалось, что „нѣтъ эллинъ, или іудей, обрѣзаніе или необрѣзаніе, варваръ или скиноу, но всяческая и во всѣхъ Христосъ“.

И вотъ человекъ, связывавшій, какъ цементомъ, всякую душу, къ нему приходящую, съ православной церковью, теперь ушелъ отъ насъ. Отлетѣлъ ангелъ, поддерживавшій и укрѣплявшій тѣхъ, кому тяжело было нести крестъ жизни. Осиротѣла паства Кронштадтская. Осиротѣлъ Петербургъ, но осиротѣла и вся земля Русская. Уже нѣтъ теперь теплаго, тихаго уголка, куда можно было бы придти выплакать свое горе, куда можно было бы прибѣжать

*) Съ чрезвычайнымъ душевнымъ уѣшеніемъ намъ пришлось узнать, что здѣсь, въ Самарѣ, въ дѣлѣ помощи голодающимъ, принимали участіе одновременно раввинъ, мудра и православный священникъ. Богъ Отецъ съ высоты небесной благословлялъ ихъ совмѣстный трудъ на пользу страждущаго человечества.

въ минуту отчаянія. Нельзя уже теперь послать ему телеграмму о помощи.

Но когда пройдет первый порывъ горя, когда стихнетъ это отчаянное восклицаніе народа, вырвавшееся изъ глубины страждущей души — „батюшка ты нашъ, на кого насъ покидаешь?“ — то вновь ясною будетъ та христіанская истина, что Богъ не есть Богъ мертвыхъ, а Богъ живыхъ.

И мы вѣримъ, что настойчивое прошеніе наше — неотступное, слезное оны услышитъ вновь, что душею своею оны сталъ ближе къ намъ, и по вѣрѣ нашей опять „больныхъ нашихъ исцѣлить, прокаженныхъ очистить, лежащихъ на одрѣхъ возставить“. Народъ чувствуетъ уже это, и во множествѣ, тысячами, притекаетъ къ его гробницѣ. Для нихъ оны не умеръ, а живъ по прежнему.

Въ послѣсловіи своемъ къ описанію жизни и молитвеннаго подвига о. Іоанна я долженъ остановиться на томъ великомъ, исключительномъ значеніи, которое оны имѣлъ въ жизни русской церкви. Въ его лицѣ сошелъ со сцены жизни послѣдній *строитель* минувшей эпохи, человекъ, который стоялъ на перепутьи между жизнью старой и новой Россіи.

Не такъ давно, во дни т. н. освободительнаго движенія, когда возникла мысль о восстановленіи патріаршества, въ извѣстныхъ кругахъ общества очень опредѣленно говорили, что самымъ достойнымъ кандидатомъ занять столь высокой постъ былъ бы о. Іоаннъ Кронштадскій. Пусть это только одна лишь робкая мечта искреннихъ почитателей Кронштадскаго пастыря, мечта совершенно неосуществимая и по условіямъ личнаго положенія о. Іоанна, и по его скромности, и по многимъ другимъ причинамъ... Для насъ это не важно; для насъ важно то, что эта мысль указывала *направленіе реформы церковной жизни*.

Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ сочиненій Берлинскій профессоръ-историкъ Адольфъ Гарнакъ говоритъ, что „современное христіанство есть тоже язычество, но только съ христіанской терминологіей“. Почти тоже читаемъ мы и въ знаменитомъ дневникѣ отца Іоанна: „Боже мой, до чего мы дожили, — пишетъ

опь здѣсь. Чѣмъ мы лучше язычниковъ въ своей жизни? Гдѣ наша вѣра, гдѣ любовь къ ближнему?.. Но что всего удивительнѣе, даже люди, мнящіеся быть благочестивыми, сами свѣтильники рѣдко говорятъ о Богѣ, о Христѣ Спасителѣ, въ кругу своихъ семействъ и въ кругу свѣтскихъ людей. Опять потому, что стыдятся завести такой разговоръ, боятся наскутить, или опасаются, что сами не выдержатъ, не будутъ сердечно вести рѣчь о духовныхъ предметахъ. Да, не принять у насъ Господь, зиждитель всѣхъ. Не принять въ домахъ нашихъ, въ разговорахъ нашихъ!..

Что же это значить? — Не значить-ли, что слишкомъ уже мы ушли отъ Христа не только въ мірской, но и церковной жизни. Въ освободительные дни, мысленно перестраивая за-ново церковную жизнь, мы такъ много говорили о порабощеніи церкви государствомъ, о необходимости для каждаго клирика личной свободы, но сколько помнится, вовсе не было рѣчи о томъ, что забыты Христовы завѣты. Въ вѣкъ оскудѣнія или даже совершеннаго отсутствія идеаловъ, въ вѣкъ вражды и злобы, мы совершенно забыли, что въ уголкѣ каждой аудиторіи стоитъ невидимо для насъ скорбный ликъ Христовъ и, слыша проповѣдь на современные отрицательныя темы, стужается сердцемъ.

Даже больше: явилось цѣлое направленіе богословской мысли, которое покоится исключительно на изысканіяхъ разума, съ совершеннымъ забвеніемъ осуществленія христіанства въ жизни.

И вотъ въ то самое время, когда исключительно — теоретическое направленіе христіанства дошло уже до послѣднихъ предѣловъ, въ числѣ русскихъ пастырей появился человекъ, который говоритъ, что разумъ только „паукъ“, который мѣшаетъ сближенію со Христомъ. Самъ Онъ весь горитъ неземнымъ огнемъ, носить въ сердцѣ своемъ имя Господа, написанное огненными буквами, исцѣляетъ больныхъ, утишаетъ муки страждущихъ, помогаетъ всякому въ его нуждѣ и горѣ. Народъ стремится къ нему толпами, иногда желая только коснуться края ризы его, чтобы получить исцѣленіе. И всѣ говорятъ, что такой и долженъ быть истинный священникъ.

Вотъ завѣтъ, который своею жизнью завѣщаль о. Іоаннъ Русскому пастырству. Онъ, конечно, не отрицаетъ значенія науки, онъ только говоритъ противъ *односторонности* науки и рядомъ съ нею ставитъ на очередь другую науку, болѣе трудную — науку пастырской скорби, науку самоотверженія, лицеизбѣнія Христа и презрѣнія къ благамъ міра.

Гдѣ взять такихъ людей? Особенно изъ той среды, которая привыкла уже видѣть священника—требоисправителя и которой непонятнымъ кажется священнослуженіе исключительно-благодатное?

На этотъ вопросъ, конечно, отвѣтитъ время. Но вопросъ этотъ, прежде всякой церковной реформы, съ чрезвычайной болѣзненностью заявляетъ себя въ нашъ критическій, переходный моментъ. И многозначительнымъ поэтому намъ кажется распоряженіе церковной власти о томъ, что на родинѣ о. Іоанна (именно на родинѣ, въ глуши лѣсовъ) должно быть основано училище пастырское. Такъ и чувствуется здѣсь мысль о томъ, что *вотъ какіе* должны быть кандидаты священства. И для того, чтобы они стали такими, имъ предстоитъ тяжелый подвигъ уединеннаго самоиспытанія, созерцательная работа, внутреннее самоусовершенствованіе. Недаромъ же всѣ почти подвижники уходили—одни въ лѣса, другіе въ пустыни, для того, чтобы закалить волю въ борьбѣ съ грѣховными наклонностями. Таковы пустынники Египта, таковы, напр., въ Россіи преп. Сергій.

Кто знаетъ, быть можетъ Сѣверные лѣса вновь сослужатъ службу русскому пастырству на новомъ поворотѣ церковной жизни.

Отходя въ вѣчный путь, о. Іоаннъ своимъ примѣромъ завѣщаль и другой завѣтъ—новому направленію реформированной жизни церкви—завѣтъ братства, помощи сильнаго слабому, поддержки въ трудѣ. Когда возникла мысль о дѣятельномъ распротраненіи приходскихъ организацій, была опущена въ этомъ дѣлѣ одна маленькая подробность, но и самая главная. Именно, начали это дѣло „съ другого конца“,—съ собраній и уставовъ, а не съ *воспитанія души приходи*. Будь глубоко вѣрующей, само-

отверженный пастырь—поддержка слабыхъ и изнемогающихъ,— и сначала къ нему пришли бы труждающіеся и обремененные, а за ними—и всѣ остальные. Будетъ сердечное общеніе—будутъ и средства, будетъ и община, и долго она не распадется, пока горитъ огонь взаимной, братской любви. А не будетъ теплаго чувства, связующаго прихожанъ,—сколько бы собраній ни назначали, какихъ бы предсѣдателей ни избирали, какія бы суммы ни ассигновали,—дѣло будетъ мертвымъ и вызоветъ одни только ссоры и обостреніе самолюбій враждующихъ.

Отсюда несомнѣнный выводъ тотъ, что русская церковь должна прежде всего имѣть попеченіе о воспитаніи пастырей въ томъ направленіи, которое указано жизнью почившаго о. Іоанна. Это не теоретическій только взглядъ, а самый коренной запросъ нашего времени, и при этомъ запросъ, небезпримѣрный исторически. Въ такую же тяжелую годину, какъ та, которую мы переживаемъ, именно въ годину татарскаго погрома,—въ разныхъ мѣстахъ русской земли зажгли свѣтильники вѣры, поставившіе цѣлью помогать народу подняться послѣ опустошительнаго татарскаго набѣга. Древне—русскій монастырь, по словамъ профессора Ключевскаго, былъ „и хозяйственнымъ руководителемъ, и ссудной кассой, и приходской церковію, и пріютомъ подъ старость“.

Вотъ эту то миссію—помощи трудящемуся и страждущему и приметь на себя въ будущемъ русское священство. Проблески такого направленія пастырской мысли есть уже: не мало и теперь насчитывается людей, которые вѣрятъ въ спасительность креста священника. И чѣмъ дальше будемъ жить, и чѣмъ тяжелѣе будетъ жизнь, тѣмъ больше будетъ такихъ людей.

Секта іоаннитовъ.

IV Всероссийскій, Кіевскій Миссіонерскій Съѣздъ, посвятившій нѣсколько засѣданій рѣшенію вопроса—что такое іоаннитство, по всестороннемъ обсужденіи даннаго вопроса, имѣя въ своемъ распоряженіи солидный матеріалъ, собранный о.о. и г.г.

миссіонерами объ іоаннитахъ, пришелъ къ заключенію, что *іоаннитство есть секта*, родственная *хлыстовству*.

По сообщенію бывшаго С.-Петербургскаго миссіонера г. Булгакова первое извѣстіе объ іоаннитахъ относится къ 1896 г. Черезъ 6 лѣтъ, т. е. въ 1902 году іоанниты представляли уже правильно организованную секту — шайку, занимавшуюся обкрадываніемъ довѣрчиваго люда именемъ о. Іоанна Кронштадтскаго. Съ 1905 г. іоаннитами начинаетъ усиленно заниматься свѣтская печать. Изъ вѣрученія іоаннитовъ, которое почерпается изъ личныхъ бесѣдъ съ ними и изъ ихъ печатной и письменной литературы *), явствуетъ, что они представляютъ изъ себя секту съ яркимъ хлыстовскимъ оттѣнкомъ. Въ своихъ кантахъ іоанниты признаютъ о. „Іоанна Кронштадтскаго Богомъ“. Порфирія Киселева трактуется какъ Владычица Богородица. Существуетъ цѣлый сонмъ старцевъ — пророковъ. У іоаннитовъ бываетъ и *то*, что у хлыстовъ называется духовною любовію.

По чисто практическимъ побужденіямъ не прерывая связи съ православною церковію, іоанниты проповѣдуютъ, что спасеніе возможно въ ихъ общинѣ; къ православнымъ священникамъ относятся съ почтеніемъ притворно и до тѣхъ только поръ, пока они не выступаютъ съ обличеніемъ ихъ сектантскихъ заблужденій. Главной привлекательной силой, увлекающей темный народъ въ сѣти іоаннитства служить эксплуатируемая ими личность о. Іоанна Кронштадтскаго и проповѣдь о скорой кончинѣ міра, сопровождаемая разсказами о небесной и безмятежной жизни послѣдователей этой секты въ г. Кронштадтѣ. Объединяющимъ центромъ пропагандистовъ секты іоаннитовъ служитъ редакція журнала „Кронштадтскій Маякъ“, а вдохновителемъ и организаторомъ этой секты является редакторъ названнаго журнала Н. И. Большаковъ, который для распространенія этой ереси имѣетъ цѣлый штатъ книгоношъ, снабжаемыхъ имъ надлежащими видами и особыми книжками для разносчика журнала „Кронштадтскій Маякъ“ съ приложеніями

*) Особенно важны книжки: „Правда о сектѣ іоаннитовъ“ и „Какъ нужно жить, чтобы богатою быть и чисто ходить“.

книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, портретовъ (эстамповъ), листковъ и т. д. Въ настоящее время іоаннитство, имѣющее между собою тѣсную связь и разсѣянное при помощи книгоношъ по всей Россіи, появилось и въ предѣлахъ Самарской епархіи.

Въ началѣ 1908 г. іоанниты открыли свое подворье въ г. Самарѣ на Набережной улицѣ р. Самары. Но это подворье вскорѣ послѣ того, какъ двѣ жертвы ихъ преступной пропаганды, послѣ продажи всего своего имущества и отсылки вырученныхъ отъ продажи деньгъ въ г. Кронштадтъ къ „дорогому батюшкѣ, сошли съума и умерли въ Томашевомъ Колкѣ (домъ умалишенныхъ), было переведено за городъ въ поселокъ, подъ названіемъ „Новый-Оренбургъ“, гдѣ ими на имя одной женщины—іоаннитки прибрѣтень въ собственное владѣніе домъ, расположенный въ полугорѣ, обращенный окнами на р. Самару. При входѣ въ этотъ домикъ, вась поражаетъ обиліе иконъ, находящихся въ переднемъ углу; среди иконъ центральное мѣсто занимаютъ портреты о. Іоанна Кронштадтскаго и Порфиріи Киселевой, предъ которыми висятъ лампы. У стѣны стоитъ шифоньерка, на полкахъ которой лежатъ во множествѣ письма изъ Кронштадта и сумочки изъ разноцвѣтной матеріи съ пришитыми на нихъ крестами; въ этихъ сумочкахъ, которыя напоминаютъ собою тѣ сумочки, въ которыхъ іереи носятъ запасные св. дары, находится травка душистая, песокъ, камушки; въ углахъ комнаты, на стульяхъ, на столѣ и подъ столомъ лежатъ книжки религіозно-нравственнаго содержанія—изданіе „Кронштадскаго Маяка“. При моемъ посѣщеніи, въ домѣ находилось 8 человекъ, изъ коихъ двое молодыхъ парней, одна хвора старуха и пять женщинъ въ возрастѣ отъ 25 до 40 лѣтъ. Всѣ они имѣли испытія лица и изнуренный видъ. Объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ и Порфиріи Киселевой отзывались въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, называя перваго святымъ и безгрѣшнымъ, въ которомъ пребываетъ Богъ, а вторую женой праведной и богоугодной жизни. Весь міръ, погрязшій въ грѣхахъ, давно бы провалился и стоитъ только благодаря ихъ святымъ молитвамъ. Въ знакъ особеннаго своего уваженія къ

этимъ лицамъ (а можетъ быть по другимъ соображеніямъ) они носятъ на шеѣ вмѣстѣ съ крестомъ ладунки съ медальонами, въ которыхъ вставлены миниатюрныя фотографическія снимки съ о. Іоанна Кронштадтскаго и Порфиріи Киселевой. На это подворье изъ разныхъ мѣстъ Россіи стекаются іоаннитскіе книгоноши, которые послѣ кратковременнаго отдыха, запасаются здѣсь необходимыми предметами своей торговли — крестиками, колечками, поясками, душистой травкой, елеемъ, камушками, песочкомъ, портретами о. Іоанна Кронштадтскаго и книжками религіозно-правственнаго содержанія изданія редакціи „Кронштадтскій Маякъ“, и отправляются по желѣзнымъ дорогамъ и пароходами въ села и города для пропаганды своей безбожной ереси и для обирательства темнаго народа.

Теперь въ рѣдкомъ селѣ вы не встрѣтите книгоношъ — іоаннитовъ, которые съ корзинками въ рукахъ ходятъ по дворамъ, а въ воскресные и праздничные дни во время богослуженій стоятъ на паперти храма и предлагаютъ всѣмъ и каждому купить что—нибудь на память о „дорогомъ батюшкѣ“. 13 августа, прошлаго года въ с. Таволожкѣ, Николаевского уѣзда, къ крестьянину И. І. Лаврушину явилась іоаннитка съ корзинкой въ рукахъ и предлагала хозяину дома купить у нея для иконъ вѣячки. Квартировавшій въ домѣ этого крестьянина кандидатъ къ земскому начальнику, заинтересовавшись торговкой, вступилъ съ нею въ разговоръ. На вопросы—кто она, откуда и чѣмъ занимается, іоаннитка отвѣтила: „я изъ Кронштадта отъ священника о. Іоанна Кронштадтскаго, посланная имъ въ ваше село для проповѣди о жизни этого священника, о тѣхъ чудесахъ, которые онъ творить; вмѣстѣ съ тѣмъ я проповѣдую, чтобы люди перемѣнили свой образъ жизни; скоро должна наступить кончина міра и всѣ крестьяне должны продавать свои дома и все имущество и идти въ Кронштадтъ къ „батюшкѣ“, гдѣ можно жить ничего не дѣлая, въ то же время чисто одѣваться и сладко кушать“. Здѣсь, говорила она, крестьяне день и ночь угнетены, губятъ свое здоровье въ тяжелой работѣ, а тамъ они будутъ жить безъ заботъ и хлопотъ, ни въ чемъ не нуждаясь“.

14 августа въ домъ крестьянина того же села Петра Саламатина явилось шесть іоаннитокъ—Ксенія Просяникова, Дарья Петрова, Анна Демьянова, Агаѳья Понуровская, Матрена Козырева, Наталья Блохина, которыя выдавали себя за святыхъ ангеловъ, посланныхъ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ для проповѣди ученія о приближеніи кончины міра. Послушать проповѣдь іоаннитокъ собралось въ домъ Саламатина очень много народу, по преимуществу женщины. „Близко то время, говорила одна изъ іоаннитокъ, когда должна наступить кончина міра. Продавайте все свое имущество и спѣшите въ Кронштадтъ къ дорогому батюшкѣ, который есть истинный Богъ, отверзающій двери царства небеснаго; не слушайте своихъ священниковъ, они благодати не имѣютъ и ихъ самъ батюшка называетъ лжепророками и заблуждающимися; они сами не входятъ въ царство небесное и хотящихъ войти въ него отвлекаютъ. Торопитесь; спѣшите уйти отъ міра сего, какъ Лотъ праведный, ибо какъ только вы оставите мѣсто сіе, то оно провалится. Остается не болѣе двухъ—трехъ лѣтъ и наступитъ кончина міра; уже ходятъ по землѣ Илья и Енохъ вмѣстѣ съ Архангеломъ Михаиломъ, которые также какъ и мы проповѣдуютъ о кончинѣ міра. Спѣшите сбывать и продавать по дешевой цѣнѣ все свое имущество и торопитесь къ о. Іоанну Кронштадтскому, пока не заперты еще двери царства небеснаго, а то онѣ скоро запрутся и міръ весь погибнетъ“.

Эта проповѣдь такъ подѣйствовала на Саламатина, что онъ, не долго думая, рѣшилъ продать свой домъ и все имущество и вмѣстѣ съ проповѣдницами идти въ Кронштадтъ къ о. Іоанну. Примѣру Саламатина послѣдовала его теща Анастасія Янина, которая стала тутъ—же просить у своего мужа денегъ, чтобы навсегда удалиться въ Кронштадтъ и тѣмъ избѣжать гибели. Мужики и бабы, подъ вліяніемъ проповѣди, нарасхватъ покупали пояски, колечки, крестики, книжки и потреты о. Іоанна. „Всѣ эти вещи простыя, говорили проповѣдницы, они благословлены рукою дорогого батюшки и кто купитъ какую вещь, тотъ исцѣлится отъ той болѣзни, какою онъ страдаетъ“. Ксенія Ѳеодотова Сергѣева

для полученія исцѣленія отъ боли въ поясницѣ купила у Демьяновой двѣ книжки о кончинѣ міра за 30 коп., а у Петровой два пояска за 40 коп.; Феодора Трофимова Сергѣева для исцѣленія отъ разныхъ болѣзней купила мѣдный крестикъ за 10 коп. и книжку о близкой кончинѣ міра за 15 коп., а Параскева Прокофьева Гуллова купила для исцѣленія отъ ломоты мѣдное колечко за 10 коп.

Вѣсть о появленіи необыкновенныхъ проповѣдницъ, посланныхъ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ и о томъ, что Саламатинъ и другіе уже распродали свое имущество, намѣреваясь навсегда оставить село и удалиться въ Кронштадтъ къ о. Іоанну, скоро облетѣла все село. Болѣе любопытные бѣжали въ домъ Саламатина по-смотреть и послушать проповѣдницъ, а главное удостовѣриться—справедливо-ли то, что Саламатинъ продаетъ все свое имущество и уходитъ въ Кронштадтъ. Въ числѣ прибывшихъ былъ діаконъ мѣстной церкви о. Варлаамъ Зюкинъ, который пытался убѣдить Саламатина, чтобы онъ оставилъ свое намѣреніе. На о. діакона буквально набросились іоаннитки Дарія и Ксенія и начали обзывать его бѣсоватымъ, заблуждающимся и грозить ему, что на него обрушится праведный гнѣвъ „дорогого батюшки“. Въ народѣ произошло волненіе.... Одни изъ присутствующихъ стояли за проповѣдницъ, а другіе противъ нихъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы въ это это дѣло не вмѣшался полицейскій урядникъ, который привлекъ непризванныхъ проповѣдницъ къ отвѣтственности за произведенное ими большое народное волненіе на религіозной почвѣ.

Святѣйшій Синодъ отъ 4—11 декабря 1908 г. за № 8814, по обсужденіи постановленій Кіевского Миссіонерскаго Съѣзда, опредѣлилъ: 1) ученіе такъ называемыхъ іоаннитовъ, признающихъ, о. Іоанна Сергѣева Богомъ, считать ученіемъ еретическимъ, кощунственнымъ и богохульнымъ, сроднымъ съ хлыстовствомъ. 2) Въ виду неоднократнаго осужденія самимъ о. Іоанномъ ученія іоаннитовъ, предположенное Кіевскимъ Миссіонерскимъ Съѣздомъ предложеніе о. Іоанну произнести слово обличенія іоаннитовъ

признать излишнимъ. 3) Предостеречь православныхъ христіанъ отъ участія въ сотрудничествѣ въ „Кронштадтскомъ Маякѣ“ и другихъ подобныхъ изданіяхъ, а С.-Петербургскому духовному цензурному комитету слѣдить за означенными изданіями. 4) Поручить духовенству съ особенною осторожностью относиться къ лицамъ, подозрѣваемымъ въ принадлежности къ іоаннитамъ, при совершеніи надъ ними таинствъ, требуя отъ нихъ отреченія отъ главнѣхъ заблужденій іоаннитовъ. 5) Поручить духовенству предостеречь лицъ, отправляющихся въ Кронштадтъ къ о. Іоанну за благословеніемъ и религіознымъ утѣшеніемъ, отъ возможности различныхъ злоупотребленій, со стороны жожаковъ іоаннитовъ. 6) Лицъ упорныхъ въ іоаннитствѣ, послѣ увѣщаній, подвергать отлученію отъ православной церкви“.

Епархіальный Миссіонеръ, священникъ *М. Алексѣевъ*.

Изъ мѣстной жизни.

Сороковой день по кончинѣ Кронштадтскаго соборнаго протоіерея о. Іоанна Сергіева въ гор. Самарѣ.

28 января с. г. исполнился сороковой день по кончинѣ достопамятнаго пастыря, праведника и молитвенника земли русской, протоіерея Кронштадтскаго Андреевскаго собора о. Іоанна Ильича Сергіева. Въ этотъ день, согласно Высочайшаго рескрипта на имя С.-Петербургскаго митрополита Антонія отъ 12 сего января и во исполненіе опредѣленія Св. Синода отъ 15 того же января въ гор. Самарѣ было совершено повсемѣстное поминовеніе маститаго и всѣми уважаемаго и чтимаго Кронштадтскаго пастыря. Наканунѣ этого дня въ крестовой церкви при архіерейскомъ домѣ было совершено архіерейскимъ служеніемъ заупокойное всенощное бдѣніе о почившемъ о. протоіереѣ (парастасъ). Такія же всенощныя бдѣнія были совершены въ кафедральномъ соборѣ, въ церквахъ при духовной семинаріи, при Епархіальномъ женскомъ училищѣ и при мужескомъ духовномъ училищѣ, а равно и во всѣхъ приходскихъ церквахъ гор. Самары. На другой день, т. е. 28 ян-

варя, во всѣхъ приходскихъ церквахъ въ 8 часовъ утра были совершены заупокойныя литургіи. Въ 9 часовъ утра мѣрный рѣдкій ударъ колокола на колокольнѣ кафедральнаго собора возвѣстилъ о началѣ заупокойной литургіи въ соборѣ, которая была совершена здѣсь архіерейскимъ служеніемъ, при участіи о. кафедральнаго протоіерея В. В. Лаврскаго, ключаря собора протоіерея С. А. Діомидова, двухъ членовъ правленія Самарскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода и шести о.о. депутатовъ экстреннаго общепархіальнаго съѣзда духовенства, открывшагося 26 января. За литургіей въ свое время прочувствованное слово, посвященное памяти почившаго о. протоіерея І. И. Сергіева, было произнесено о. инспекторомъ Самарскаго Епархіальнаго женскаго училища, протоіереемъ А. А. Меньшовымъ, которое на глазахъ у нѣкоторыхъ слушателей и слушательницъ вызвало непритворныя слезы. На панихиду послѣ литургіи, во главѣ съ Его Преосвященствомъ, вышло до 70 священниковъ, въ томъ числѣ 48 депутатовъ общепархіальнаго съѣзда. Предъ началомъ панихиды Его Преосвященствомъ былъ прочитанъ народу *Высочайшій рескриптъ* на имя Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Митрополита С.-Петербургскаго, данный Государемъ Императоромъ, по поводу кончины протоіерея Іоанна Ильича Сергіева, съ приличнымъ и назидательнымъ по сему случаю Архипастырскимъ словомъ утѣшенія. И горячо, пламенно молился соборъ пастырей во главѣ съ своимъ Архипастыремъ, а равно и весь народъ, за почившаго своего молитвенника....

За литургіей присутствовали г. начальникъ губерніи и многія другія административныя лица г. Самары и ея губерніи, которыя затѣмъ подходили и раскланивались съ Владыкой, выражая въ его лицѣ свое соболѣзнованіе русской церкви въ тяжелой, ничѣмъ незамѣнимой, понесенной ею утратѣ.

Въ тотъ же день заупокойныя литургіи по почившемъ были совершены въ церквахъ при всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ гор. Самары, а въ нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, по окончаніи учебныхъ занятій, были отслужены

панихиды, сопровождавшіяся соотвѣтствующими этому случаю рѣчами со стороны о.о. законоучителей этихъ заведеній.

Библіотека священника.

Три біографіи о. Іоанна Кронштадтскаго.

Въ послѣдніе дни, когда личность почившаго отца Іоанна Кронштадтскаго все больше и больше начинаетъ привлекать вниманіе общества, естественно желаніе вѣрующихъ и благочестивыхъ людей подробнѣе ознакомиться съ его біографіей. Надо признаться, что такая біографія еще не написана,—она ждетъ своего автора, да и самая личность отца Іоанна настолько еще пока неразгадана, что желающему написать правдивое жизнеописаніе надо долго собирать и изучать народныя сказанія о немъ, „отдѣлять пшеницу отъ плевель“, —принимая истинное и поставляя безъ вниманія то, что продиктовано интересами личными или партійными. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно много предлежитъ труда біографу, потому что всякій фактъ изъ жизни Кронштадтскаго пастыря, появляясь въ изданіи того или иного направленія, получаетъ, въ соотвѣтствіе этому, и извѣстную окраску.

Но пока еще не написано талантливой рукою полное и безпристрастное житіе отца Іоанна, до тѣхъ поръ могутъ сослужить свою службу біографіи, составленныя еще при жизни покойнаго пастыря его почитателями. Такихъ мы знаемъ три: 1) „Два дня въ Кронштадтѣ,“ — жизнеописаніе, составленное ректоромъ Московской духовной академіи Преосвященнымъ Евдокимомъ еще во дни его студенчества и изданное къ сорокапятилѣтнему юбилею о. Іоанна вторично въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, по видимому, на основаніи личныхъ указаній о. Іоанна или, по крайней мѣрѣ, на основаніи новаго и подробнаго изученія его дѣятельности на мѣстѣ, въ Кронштадтѣ. 2) Книга подъ заглавіемъ „О. Іоаннъ Кронштадтскій“, написанная іеромонахомъ Михаиломъ (Семеновымъ), впоследствии старообрядческимъ архимандритомъ и

изданная при журналѣ „Православно—Русское Слово“, въ качествѣ приложенія, за 1904 годъ. Біографія составлена на основаніи лично собранныхъ авторомъ матеріаловъ, но въ значительной части своей представляетъ собою буквальную перепечатку вышеуказанной книги „Два дня въ Кронштадтѣ“. Факты изъ жизни о. Іоанна указаны въ двухъ этихъ книгахъ не только одни и тѣ же, но часто и въ одномъ и томъ-же изложеніи. Книга имѣетъ неоспоримую цѣнность въ томъ отношеніи, что она снабжена иллюстраціями, воспроизводящими наглядно жизнь и дѣятельность о. Іоанна. Иллюстраціи собраны авторомъ во время его побѣдки, вмѣстѣ съ о. Іоанномъ на родину, въ с. Суру и относятся преимущественно къ этому времени его жизни. 3) Третья біографія подъ заглавіемъ „очеркъ жизни и дѣятельности Кронштадтскаго пастыря отца Іоанна Ильича Сергіева“ написана нѣкимъ Збынымъ и издана какъ „матеріалъ для будущей біографіи о Іоанна“, но написана задушевно и просто, хотя и не очень глубоко, и потому можетъ имѣть преимущественное распространеніе среди читателей—простецовъ. Быть можетъ не послѣднее мѣсто эта книжка могла бы занять и въ школьныхъ бібліотекахъ.

Безспорно лучшая изъ указанныхъ трехъ книгъ—біографія, составленная Преосвященнымъ Евдокимомъ, и по обилію матеріала, и по талантливости изложенія. Въ первомъ своемъ изданіи она разошлась въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ и въ настоящее время переведена на нѣкоторые иностранные языки. Изданіе цѣнно еще и въ томъ отношеніи, что имѣетъ цѣль благотворительную: вся прибыль отъ продажи книги идетъ въ пользу бѣдной учащейся молодежи, такъ что всякій, покупающій дневникъ не только самъ извлечетъ изъ него что нибудь для себя въ свое назиданіе, но и въ то же время окажетъ помощь другимъ.

Священникъ П. Θ. Меликовъ.

Редакцію получено изъ г. Вѣрнаго извѣстіе о кончинѣ священника Петра Ѳедоровича Меликова, послѣдовавшей 16 января с. г. въ 4 часа утра отъ паралича сердца. Въ Самарской епархіи почившій прослужилъ 31 годъ—съ 4 октября 1862 г. по сентябрь 1893 г. Корреспондентъ проситъ всѣхъ знавшихъ покойнаго помолиться о немъ.

О б ѣ я в л е н і я.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ Д. Г. БУЛГАКОВСКАГО.

А. Б р о ш ю р ы:

1. Терзаніе одно. Спб. 1909 г. Ц. 6 к.
2. Жалость взяла. Спб. 1909 г. Ц. 7 к.
3. Безъ поры—безъ времени. Съ рисунками. Спб. 1909 г. Ц. 5 к.
4. Позднее раскаяніе. Съ рисунками Спб. 1909 г. Ц. 5 к.
Безъ вина одно горе, а съ виномъ старое одно, да новыхъ два. Съ рисунками. Спб. 1909 г. Ц. 10 к.
6. На крестинахъ. Спб. 1909 г. Ц. 3 к.
7. Рушилась семья. Съ рисунками. Спб. 1909 г. Ц. 7 к.
8. Горькая правда о пьянствѣ. Спб. 1909 г. Ц. 5 к.
9. Что говоритъ и думаетъ народъ о винѣ. Спб. 1909 г. Ц. 5 к.
10. Какъ привыкають къ вину. Съ рисунками. Спб. 1909 г. Ц. 5 к.
11. Водка сильна, но сильнѣе воля своя. Спб. 1909 г. Ц. 7 к.
12. Дружескій совѣтъ: какъ отстать отъ окаяннаго пьянства и проклятаго запоиства. Спб. 1909 г. Ц. 7 к.
13. Разными дорогами. Спб. 1909 г. Ц. 7 к.
14. Какъ отстать отъ спиртныхъ напитковъ. Спб. 1909 г. Ц. 15 к.

Апологетическій отдѣлъ.

Геккеля заставили отвѣтить.

«Неужели еще нужно полемизировать съ Геккелемъ?—Къ сожалѣнію, да! Конечно это необходимо не людямъ науки, но въ интересахъ нашего народа, въ интересахъ не специалистовъ образованныхъ людей. Хорошо было бы, если бы при этомъ вели дѣло съ такой же вѣской аргументаціей, какъ Брассъ... На послѣднемъ съѣздѣ естествоиспытателей въ Кельнѣ Румблеръ (Rhumbler) въ своей лекціи въ сущности проводилъ ту мысль, что жизнь нельзя сводить къ химическимъ и физическимъ процессамъ. Времена, когда при помощи реторты и вѣсовъ полагали снять покрывало съ жизни, миновали окончательно (Vierteljahrsbericht aus dem gebiet der schönen Literatur und verwandten gebieten 1 Heft 1909) Hoppe-Hamburg.

Въ январской книжкѣ журнала „Glauben und Wissen“ („Вѣра и знаніе“), издаваемого естествоискусникомъ-специалистомъ проф. д-ромъ Е. Деннертомъ въ сотрудничествѣ съ проф. Грютцмахеромъ, по поводу сочиненія А. Брасса помѣщена (стр. 32) такая замѣтка. „Столь тяжкаго обвиненія никогда еще не предъявляли ни Геккелю, ни какому-либо иному изслѣдователю, и (подобнымъ обвиненіемъ репутация Геккеля, какъ ученаго, окончательно подорвана, если только онъ не сможетъ совершенно оправдаться; но весьма сомнительно, чтобы этого удалось ему достигнуть, потому что матеріалъ, предлагаемый Брассомъ, документально точенъ и производитъ подавляющее впечатлѣніе. Самое дѣло заключается въ слѣдующемъ: какъ это было и раньше не разъ, такъ и въ своихъ послѣднихъ книжкахъ Геккель далъ подборъ рисунковъ эмбрионовъ чловѣка и животныхъ, какъ бы рисунки по лигиію Брасса въ высшей степени подозрительны;

частію же поддѣланы (gefälscht sind), и именно такъ, что нѣкоторые эмбрионы животныхъ становятся похожими на эмбрионы человѣка, а эмбрионы человѣка—на эмбрионы животныхъ. Прямо бросается въ глаза, и каждому сейчасъ же можно усмотрѣть, что Геккель эмбриону человѣка приписалъ 44 позвонка вмѣсто 33-хъ. И вотъ здѣсь на первый планъ выступаетъ по меньшей мѣрѣ совершенное невѣжество. Мы каждому третьекласснику на урокъ антропологіи выражаемъ порицаніе, если онъ не знаетъ, что у человѣка 33 позвонка. А „великій“ зоологъ Геккель приписываетъ ему 44 позвонка и все-таки еще смѣетъ издѣваться надъ невѣжествомъ другихъ въ области естествознанія. Но самымъ тяжкимъ упрекомъ,—дѣлаемымъ въ сочиненіи Брасса Геккелю и окончательно подрывающимъ его репутацію—является упрекъ въ томъ, что онъ въ заимствованномъ у Селенка (ученаго) рисункѣ эмбриона макака (хвостатой обезьяны) убавилъ количество позвонковъ на 15—16 и въ своемъ сочиненіи наименовалъ его просто-на-просто эмбриономъ Гиббона (безхвостой обезьяны)... Мы убѣдительно просимъ cadaго изъ нашихъ читателей достать себѣ названную книгу, самому составить себѣ (по ней) сужденіе и убѣдиться, какъ Геккель работаетъ по эмбриологіи.

Понятно весьма напряженное ожиданіе выясненія того, какъ Геккель выпутается изъ этого затрудненія, будетъ ли и здѣсь снова ограждать себя словами „ложь“, „клевета“ и т. д., и будетъ ли пытаться замаять дѣло. Это и происходитъ, но не можетъ тутъ оказать своего дѣйствія. Въ концѣ концовъ долженъ же онъ принять вызовъ и опредѣленно отвѣтить, въ формѣ ли научнаго оправданія, или возбужденія судебного процесса противъ Брасса. Если онъ предприметъ послѣднее, то навѣрное ужъ судебный процессъ прольетъ полный свѣтъ на дѣло. Если же онъ ни того, ни другого не предприметъ,—что, судя по его наблюдаемому доселѣ поведенію, вѣроятнѣе всего,—то этимъ онъ окончательно уничтожитъ себя самого, и образованное общество сочтетъ своимъ долгомъ, игнорируя его, перейти къ обычнымъ дѣламъ. А его противохристіанское міровоззрѣніе, опирающееся на подобномъ

основаниі, само собой, въ силу того, подвергается вполнѣ заслуженной участи: презрѣнію со стороны всякаго справедливаго и честнаго мыслителя“. „Только чрезъ полгода послѣ появленія брошюры А. Брасса (такъ начинается свою статью подъ заглавіемъ „споръ между Геккелемъ и Брассомъ въ прессѣ“ издатель журнала „Der Geisteskampf der Gegenwart“ на страницахъ февральской книжки его).—Геккель собрался отвѣчать. Люди науки съ петербургскимъ ожидали, что Геккель, отдѣльной ли брошюрой, или статьей въ научномъ журналѣ, сдѣлаетъ попытку дать научно обоснованное опроверженіе взглядовъ Брасса, но онъ этого не сдѣлалъ. Что особенно здѣсь характерно, Геккель избираетъ въ качествѣ подходящаго печатнаго органа для помѣщенія своего возраженія народную берлинскую газету *die Berliner Volkszeitung*“, радикально-демократическій листокъ, который и самъ конечно не претендуетъ на особенную научность; да и къ этому Геккель приступаетъ лишь послѣ того, какъ стали проникать въ прессу выводы изъ брошюры Брасса (не въ пользу Геккеля). Такъ, въ газетѣ „*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*“ сочиненію Брасса была посвящена замѣтка, въ которой спокойно и по существу обсуждался предметъ сочиненія Брасса, равно какъ и было выражено требованіе, чтобы Геккель въ слѣдующій разъ не ограничивался голословнымъ выраженіемъ своего неудовольствія на обвиненіе Брасса, въ родѣ замѣчанія „это сознательная наглая ложь“, но чтобы далъ отвѣтъ по существу дѣла. Быть можетъ и эта замѣтка не возымѣла бы своего дѣйствія...

Но вотъ появилась замѣтка въ газетѣ „*Münchener Allgemeine*“, пользующейся, какъ извѣстно, именно среди ученыхъ авторитетомъ. Замѣтка слѣдующаго содержанія. *Геккелевы рисунки эмбрионовъ*: дѣлтомъ возбудили живой интересъ объясненія, по временамъ происходившія между Геккелемъ и зоологомъ докторомъ Брассомъ. Брассъ дѣлалъ намеки на то, что Геккель подправилъ рисунки эмбрионовъ обезьянъ; это Геккель назвалъ „наглою выдумкой“, на что Брассъ отвѣтилъ болѣе рѣзко формулированнымъ обвиненіемъ.—Теперь уже онъ въ своемъ сочиненіи, озаглавлен-

помт., „Das Affenproblem, professor Ernst Haeckels neueste gefälschte Embryonenbilder“, опубликовалъ материалъ, которымъ подтвердилъ справедливость своего упрека (по адресу Геккеля). При помощи слова и рисунка Брассъ здѣсь старается доказать свои чрезвычайно тяжелыя обвиненія. Онъ утверждаетъ, что Геккель, не обращая вниманія на раннѣйшія указанія ему примѣровъ искаженія (entstellungen) въ его рисункахъ эмбрионовъ, въ недавнемъ своемъ сочиненіи „проблема о человѣкѣ“ прежде всего рисунки эмбрионовъ хвостатой обезьяны макака (заимствованныя имъ у проф. Селенка) передѣлалъ въ рисунки эмбрионовъ безхвостой обезьяны Гиббона и мн. др. Съ недоумѣніемъ отнеслись къ этимъ тяжкимъ упрекамъ; вѣдь благодаря имъ не только подрывается авторитетъ ученаго изслѣдователя и репутація человѣка пользовавшагося доселѣ, несмотря на неоднократные промахи, величайшимъ уваженіемъ среди широкихъ слоевъ общества, но и налагается позорное клеймо на представителей нѣмецкой науки. Къ сожалѣнію, однако, невозможно отдѣлаться отъ того впечатлѣнія, что Брассъ правъ: его рисунки, снятые съ оригиналовъ, говорятъ слишкомъ яснымъ языкомъ. И прежде всего. Чего ради Геккель ни разу не указывалъ оригиналы, съ которыхъ онъ снималъ свои рисунки? Всякаго даже не специалиста заставить задуматься слѣдующій объясненный Брассомъ примѣръ: эмбрионъ человѣка (заимствованный у Гиса) Геккель надѣлалъ 44-ми позвонками вмѣсто 33! Этотъ фактъ уже теперь не можетъ быть объясненъ какъ-либо иначе, ну, а съ остальными рисунками лучше ли будетъ обстоять дѣло? Судя по первой блестящей пробѣ это сомнительно. Въ этомъ, возбуждающемъ интересъ, дѣлѣ мы желали бы воздержаться отъ рѣшительнаго сужденія; вѣдь теперь ближайшая очередь высказаться за нѣмецкими эмбриологами, они должны безусловно выразить свои заключенія объ этомъ. А потомъ прежде всего слѣдуетъ выждать, что самъ Геккель можетъ сказать по этому поводу. Мы особенно настаиваемъ на томъ, чтобы Геккель, ради сохраненія своей чести и чести нѣмецкой науки, не отдѣлывался и теперь только замѣчаніями въ родѣ „созна-

тельная наглая ложь“ и т. д., но чтобы по существу дѣла серьезно изложилъ, какимъ образомъ были приготовлены тѣ рисунки, гдѣ находятся препараты—оригиналы и т. д. Всякій иной отвѣтъ Геккеля, даже возбужденіе судебного процесса нѣмецкій народъ не могъ бы принять. И такъ мы будемъ ближайшимъ образомъ выжидать, какъ самъ Геккель поступитъ“.

Теперь Геккель долгие молчать не могъ и 29 декабря 1908 г. опубликовалъ свой отвѣтъ въ газетѣ *Berliner Volkszeitung*“. Этотъ отвѣтъ характеризуетъ полемическіе приемы Геккеля. У него были все основанія къ тому, чтобы сосредоточить все силы свои на опроверженіи обвиненія въ поддѣлкѣ рисунковъ эмбрионовъ. А онъ что дѣлаетъ?—Онъ говоритъ о рисункахъ эмбрионовъ лишь на протяженіи какихъ-нибудь строкъ тридцати изъ 280 строкъ, занятыхъ его отвѣтомъ. Остальная часть отвѣта занята у Геккеля злословіемъ своихъ противниковъ и „Кеплеровскаго союза“. Въ отвѣтъ мы встрѣчаемъ слѣдующій букетъ бранныхъ выраженій: „свихнувшійся зоологъ“, „іезуитское искаженіе“, „произвольное извращеніе“, „злой памфлетъ“, „невѣроятная дерзость“, „клевета“, „пасквиль“, „профессоръ Тартюфъ“, „вѣроломно“, „лицемѣрно“, „пошлыя и безчестныя вылазки“, „отравленныя стрѣлы“.—Давно умершаго знаменитаго эмбриолога Гиса Геккель здѣсь безъ всякаго основанія называетъ „въ высшей степени ограниченнымъ мыслителемъ“.

Этотъ полемическій приемъ отвѣчать бранью, направленной лично противъ оппонента, естественно имѣетъ цѣлю наивозможно болѣе отвлечь вниманіе читателя отъ главнаго предмета, рисунковъ эмбрионовъ, и настроить его уже заранѣе лично противъ Брасса. Совершенно обойти молчаніемъ, однако, этотъ главный предметъ нельзя. Что же можетъ сказать Геккель о немъ?—(Слѣдуютъ слова Геккеля). *Поддѣльные рисунки эмбрионовъ*. „Чтобы разомъ покончить со всеѣмъ этимъ пустымъ споромъ, я сейчасъ же и начну съ покаяннаго сознанія, что маленькая часть моихъ многочисленныхъ рисунковъ эмбрионовъ (быть можетъ 6 или 8 изъ сотни) дѣйствительно (въ томъ смыслѣ, въ какомъ

говорить д-ръ Брасъ) (im Sinne von Dr. Brasz) „поддѣланы“ („gefälscht sind“), — именно всё тѣ, въ которыхъ наличный наглядный матеріалъ столь неполюнь или неудовлетворителенъ, что при восстановленіи связной цѣпи моментовъ развитія бываешь вынужденъ восполнить пробѣлы посредствомъ предположеній (durch Hypothesen) и посредствомъ сравнительнаго синтеза восстановить недостающіе члены. Какія затрудненія приходится преодолевать при выполненіи этой задачи, и какъ легко при этомъ чертежнику впасть въ ошибку, объ этомъ можетъ судить лишь специалнсть эмбриологъ. Профессоръ Тартюфъ поэтому выражаетъ съ нѣкоторой долей права требованіе: „теперь ближайшая очередь высказаться за нѣмецкими эмбриологами, они должны безусловно выразить свои заключенія объ этомъ. Но затѣмъ должно прежде всего наставить на томъ, чтобы самъ Геккель серьезно и по существу дѣла изложилъ, какимъ образомъ были приготовлены тѣ рисунки, гдѣ находятся препараты-оригиналы и т. д. Всякій иной отвѣтъ Геккеля, даже возбужденіе судебного процесса нѣмецкій народъ не могъ бы принять. „Драгоцѣнная идея—нѣмецкій народъ, или даже избранную коллегію остроумныхъ юристовъ (!) выставить въ качествѣ судей о достоинствѣ рисунковъ эмбрионовъ, для составленія понятія о которыхъ и критическаго обсужденія требуется многолѣтній трудъ изученія сравнительной анатоміи и эмбриологіи! А кто знаетъ нашихъ „нѣмецкихъ эмбриологовъ“ съ ихъ рѣзко другъ отъ друга отличающимися цѣлями и методами, съ ихъ противорѣчивыми общими взглядами и предубѣжденіями, тотъ, заранѣе можно сказать, не дождется отъ нихъ единодушнаго сужденія въ этомъ въ высшей степени тонкомъ судопроизводствѣ.

Точные и схематическіе рисунки: Теперь я послѣ этого тяжелаго признанія въ „поддѣлкѣ“ вынужденъ былъ бы считать себя осужденнымъ и уничтоженнымъ, если бы у меня не было утѣшенія въ томъ, что подлѣ себя на скамьѣ подсудимыхъ мнѣ можно видѣть сотни соучастниковъ, среди которыхъ много самыхъ безукоризненныхъ наблюдателей и виднѣйшихъ біологовъ.

Великое множество всевозможныхъ морфологическихъ, анатомическихъ, гистологическихъ и эмбриологическихъ изображеній—которыя въ лучшихъ учебникахъ и руководствахъ, равно какъ въ биологическихъ сочиненіяхъ и журналахъ распространены и общепризнаны,—заслуживаютъ въ равной мѣрѣ упрека въ „поддѣлкѣ“. Въѣ они не фотографически точны, но болѣе или менѣе „подправлены“, схематичны или возстановлены. Многие, не существенное, второстепенное опущено, чтобы яснѣе обнаружить существенное въ фигурѣ и организаціи“.

Прим. перев. Въ первомъ отдѣлѣ выше приведенной тирады изъ отвѣта Геккеля, озаглавленномъ „поддѣльные рисунки эмбрионовъ“, Геккель очень развязно, съ тономъ явной прони, сознается въ поддѣлкѣ и считаетъ себя въ правѣ, никому не давая отчета, опираясь только на свой многолѣтній опытъ изслѣдованія, возстановлять схему развитія эмбриона согласно съ тѣми его (Геккеля) личными представленіями о томъ, сложившимися изъ цѣлаго ряда сравнительныхъ наблюденій его надъ явленіями развитія организмовъ. Ни однимъ словомъ не обмолвился Геккель, гдѣ онъ наблюдалъ въ дѣйствительности то, что возстановлялъ на рисункахъ, или въ какихъ музеяхъ сохраняются изображаемая имъ стадіи развитія эмбрионовъ, есть ли вообще въ дѣйствительности соответствующее тому, что онъ предполагаетъ, восполняя пробѣлы въ рисункахъ, которыми онъ пользовался, заимствуя ихъ изъ разныхъ ученыхъ сочиненій. А въдь этотъ вопросъ былъ поставленъ не профаномъ, а специалистомъ же ученымъ. Дѣйствительно, значить, Геккель такъ ловко работаетъ, что и специалисту трудно разграничить, гдѣ дѣйствительность въ такой—то стадіи развитія, а гдѣ произведеніе фантазіи опытнаго ученаго, а народъ и даже избранная коллегія юристовъ и права не имѣетъ спрашивать, что твердо установлено и что—смѣлая гипотеза ученаго: ихъ дѣло вѣрить пророку—зоологу. Если такъ, то не можетъ быть и рѣчи о научномъ объясненіи фактовъ органической жизни, которое прежде всего требуетъ повѣрки непосредственнаго наблюденія, изслѣдованія, исключающаго слѣпую вѣру. Если народъ и даже

избранники изъ образованнаго общества не могутъ учеть специалиста, то зачѣмъ же ихъ знакомить съ тѣмъ, что для ихъ умственнаго развитія не имѣетъ никакого значенія: упражнять, прилагать умственныя силы къ дѣлу слѣдуетъ на томъ лишь, что можно самостоятельно провѣрить, изслѣдовать. Геккель сознается, что въ мірѣ ученыхъ, эмбриологовъ, конечно, не исключая и его, какъ ученаго, ничего положительно твердаго не найдешь: все переименовано въ угоду излюбленныхъ направленій, взглядовъ и пр. Вполнѣ понятно теперь заключеніе издателя „Geisteskampf“).

„Этимъ отвѣтомъ Геккель самъ себя уничтожаетъ, какъ ученаго:

1) Онъ самъ сознаетъ, что рисунки въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорить Брассъ, онъ поддѣлалъ (почему же теперь только сознался?). Обвиненія Брасса касаются прежде всего слѣдующихъ трехъ пунктовъ:

а) Геккель сдѣлалъ изъ эмбриона макака (по Селенку) посредствомъ произвольныхъ измѣненій „стадію—рыба“ гиббона, равно—какъ изъ эмбриона человѣка (по Гису) „стадію—рыба“ человѣка.

в) Геккель допустилъ весьма существенное измѣненіе въ другомъ эмбрионѣ (по Гису), приписавъ ему (и др.) вмѣсто 33 позвонковъ 44 и т. д.

с) Геккель точно скопировалъ другой эмбрионъ—макака (по Селенку), но убавилъ у него позвонковъ на 15—16 и потому наименовалъ его эмбриономъ гиббона.

Ни одного пункта изъ этихъ Геккель не могъ опровергнуть.

2) Геккель старается оправдаться ссылкой на „схематическій характеръ рисунковъ“. Но значить ли схематически рисовать, если эмбриону человѣка (по Гису) приписать 44 позвонка вмѣсто 33, т. е. удлинить „хвостовую часть“? значить ли схематически рисовать, если переименовать эмбрионъ хвоста той обезьяны макака (по Селенку) и потомъ подѣ нимъ подписать названіе гиббона (безхвостой

обезьяны)?—Какой нѣмецкій изслѣдователь доселѣ дѣлалъ что либо подобное?

3) Геккель утверждаетъ, что сотни видныхъ изслѣдователей поступали такъ же, какъ онъ. Это личная клевета на нѣмецкихъ ученыхъ; и смѣло можно предоставить самимъ обвиняемымъ оправдать себя отъ этого упрека.

Всякій, кто слѣдилъ за споромъ между Геккелемъ и Брассомъ, придетъ къ тому же выводу, какъ и гамбургскіе ученые NN, высказавшіе такое мнѣніе, что по всей видимости тутъ обнаружено то, что служить къ позору нѣмецкой науки.

Объясненіе „кеплеровскаго союза“

въ отвѣтъ на нападки со стороны Геккеля, гласить слѣдующее:

„Нижеподписавшійся Совѣтъ кеплеровскаго союза видитъ себя вынужденнымъ статьей господина профессора Генскаго университета, опубликованной въ берлинской народной газетѣ 29 декабря 1908 года подъ заглавіемъ „Поддѣлки въ наукѣ“, дать слѣдующее объясненіе.

1) По § 2 своихъ правилъ кеплеровскій союзъ стоитъ на почвѣ свободы науки и въ качествѣ единственной цѣли признаетъ служеніе дѣлу изслѣдованія истины. При этомъ онъ проникнуть убѣжденіемъ въ томъ, что истинѣ присуще гармоническое согласіе того, что естественной наукой достовѣрно дознано, съ тѣмъ, что даетъ философское знаніе и религиозный опытъ. Его цѣль содѣйствие распространенію и углубленію естественно научныхъ знаній въ массѣ нашего народа. Если проф. Геккель устанавливаетъ въ качествѣ высшей цѣли кеплеровскаго союза безусловное признаніе сверхъестественнаго откровенія и пр., то это искаженіе, могущее ввести въ заблужденіе.

2) Кеплеровскій союзъ не стоитъ или не стоялъ ни съ прусскимъ, ни съ баварскимъ министерствомъ культа ни въ какой официальной ли, или неофициальной связи и не знаетъ ни о какихъ субсидіяхъ оттуда. Утвержденіе Геккеля въ противоположномъ смыслѣ поэтому невѣрно. Кеплеровскій союзъ находилъ себя про-

тивниковъ, равно какъ и друзей какъ въ либеральныхъ, такъ и въ консервативныхъ кругахъ. Поэтому неправильно стараніе Геккеля наложить на кеплеровскій союзъ отпечатокъ какого-либо политическаго или религіознаго партійнаго направленія.

3) Геккель пишетъ: „отравленные стрѣлы, которыя набожные члены кеплеровскаго союза (отъ избытка христіанской братской любви“) пускаютъ въ меня“... Мы противъ оскорбленія, заключающагося въ этихъ словахъ и ни на чемъ не основаннаго, укажемъ лишь на то, что кеплеровскій союзъ, какъ естественно-научное общество, вообще не имѣло никакого повода вести рѣчь о христіанской братской любви, или даже быть преисполненнымъ ею. Если членъ Совѣта, господинъ д-ръ Брассъ, на свой страхъ и не отъ имени нашей издательской фирмы выпустилъ брошюру, направленную противъ Геккеля, то это не даетъ права г. проф. Геккелю оскорблять кеплеровскій союзъ, и это тѣмъ менѣе, что въ возраженіи Геккеля совершенно не дано опроверженія выставленнаго Брассомъ обвиненія по существу.

4) Что Геккель изъ нашихъ принциповъ выводитъ для себя право клеймить кеплеровскій союзъ, какъ союзъ лжецовъ, это прямо чудовищно. Мы знаемъ, что всѣ честно мыслящіе люди нашего народа согласны съ нами въ сужденіи объ этомъ поступкѣ“... (Слѣдуетъ подпись Совѣта кеплеровскаго союза). Къ кеплеровскому союзу теперь принадлежатъ болѣе 300 нѣмецкихъ естествоислѣдовъ и врачей.

Какъ пользуются нашей прессой, свидѣтельствуетъ о томъ ясно дѣло Брасса—Геккеля: отвѣтъ Геккеля, опубликованный въ Берлинской народной газетѣ и занимающій тамъ 280 строкъ, въ большей части повременныхъ изданій приводится въ видѣ тенденціозно—сокращенной выдержки, занимающей строкъ 77. Въ этой выдержкѣ опущена главная часть, именно признаніе Геккеля въ томъ, что онъ учинилъ поддѣлки въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорилъ Брассъ, чтобы восполнить пробѣлы въ изложеніи хода развитія.

И вотъ тысячи читателей такимъ путемъ вводятся въ заблужденіе и ставятъ ошибочное представленіе о достоинствѣ научныхъ изслѣдованій Геккеля. Такого соблазнительнаго образа дѣйствія не слѣдовало бы пускать въ ходъ уже изъ одного простого чувства справедливости къ д-ру Брассу.

Теперь уже вся пресса, претендующая на справедливость, обязана особенно точно излагать положеніе дѣла: благодаря ясному сознанию Геккеля обвиненіе Брасса въ умышленной клеветѣ отпадетъ, и дѣло вступило въ совершенно новую стадію, въ которой остальные эмбриологи должны высказаться съ научной точки зрѣнія, правъ ли былъ Геккель, внося произволь въ область ученыхъ изслѣдованій“ (Der Gesteckampf der Gegenwart. 2 Heft. 1909. ss. 70—74).

И вот теперь явится другая трудная задача. И она не менее важна, чем та, которую мы только что рассмотрели. Это — задача о том, как организовать работу в условиях, когда нет возможности прибегнуть к помощи государства.

Теперь уже вся работа переходит на индивидуальную организацию. Особенно важно отметить, что в этом отношении работа должна быть организована так, чтобы каждый человек мог работать самостоятельно. Это достигается тем, что работа делится на отдельные задачи, которые можно выполнять одному человеку.

1899. № 70—71.

Вопрос о том, как организовать работу в условиях, когда нет возможности прибегнуть к помощи государства, является одним из самых важных вопросов, стоящих перед нами. Он требует тщательного изучения и выработки конкретных мер.

Вопрос о том, как организовать работу в условиях, когда нет возможности прибегнуть к помощи государства, является одним из самых важных вопросов, стоящих перед нами. Он требует тщательного изучения и выработки конкретных мер.

Вопрос о том, как организовать работу в условиях, когда нет возможности прибегнуть к помощи государства, является одним из самых важных вопросов, стоящих перед нами. Он требует тщательного изучения и выработки конкретных мер.